

Главный редактор

В.М. Орел

Редакционная коллегия:

В.В. Бабков, А.Г. Барабашев, Д.А. Баюк (зам. главного редактора),
О.П. Белозеров (и.о. ответственного секретаря),
Вл.П. Визгин, В.Л. Гвоздецкий, Н.Ф. Глазовский, С.С. Демидов,
И.С. Дмитриев, Ю.А. Золотов, С.С. Илизаров, А.Б. Кожевников,
Л.М. Кожина, Э.И. Колчинский, Н.И. Кузнецова, В.Л. Пономарева,
А.В. Постников, Н.Н. Семенова,
И.Е. Сироткина, А.М. Смолеговский, Д.А. Соболев

Международный редакционный совет:

Марк Адамс (США), Кит Бенсон (США), Гурген Григорян (Россия),
Лорен Грэхэм (США), Кеннет Кноспел (США), Борис Козлов (Россия),
Джон Криге (Франция), Юрий Наточин (Россия),
Доминик Пестр (Франция), Ганс Йорг Гайнбергер (ФРГ),
Нильс Ролл-Хансен (Норвегия), Эдвард Свидерски (Швейцария),
Вячеслав Степин (Россия), Дуглас Уинер (США), Дэвид Холлоуэй (США),
Юрий Храмов (Украина), Саймон Шейфер (Великобритания)

Редакторы – Куликова Марина Владимировна, Фирсова Галина Александровна
Заведующая редакцией – Дроздова Людмила Николаевна

Сдано в набор 17.12.2004. Подписано к печати 11.02.2005. Формат бумаги 70 × 100¹/₁₆
Офсетная печать. Усл.печ.л. 16,9. Усл.кр.-отт. 9,8 тыс. Уч.-изд.л. 21,4. Бум.л. 6,5
Тираж 572 экз. Заказ 9092

Учредители: Российская академия наук,
Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН

Адрес издателя: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 109012, Москва, Старопанский пер., 1/5
тел.: (095) 928-11-90, факс: (095) 925-99-11
E-mail: viet.journal@ihst.ru. Home page: www.ihst.ru/JOURNAL.HTM
Отпечатано в ППП «Типография «Наука». 121099, Москва, Шубинский пер., 6

О.Ю. ЕЛИНА

**ОТ ЦАРСКИХ САДОВ
ДО ОПЫТНЫХ СТАНЦИЙ:
АГРОНОМИЧЕСКИЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ
В РОССИЙСКОЙ УСАДЬБЕ***

«Не только музыка, театр, литература, но и наука и в Западной Европе, и в России в значительной мере обязана своим развитием процветающему в усадьбах просвещенному дилетантизму».

Евангулова О.С. Художественная «вселенная» русской усадьбы. М., 2003. С. 72.

Российская агрономическая наука, в отличие от большинства других дисциплин, вплоть до конца XIX в. развивалась без серьезной поддержки государства, главным образом благодаря частному и общественному вспомоществованию. Первые «казенные» опытные станции появились в 1890-е гг. К тому времени частными лицами был уже накоплен значительный опыт патронажа научных исследований и институционализации в области агрономии.

Россия – исконно земледельческая страна, жившая хлебопашеством; хлебный экспорт составлял основную статью доходов государства. Считается, что именно с полеводства началось проникновение научных знаний в хозяйственную практику. Действительно, исследования по агротехнике, агрохимии, селекции полевых культур и т.д. занимали ведущее место в российской агрономии. Эту общую стратегию взаимодействия науки и сельского хозяйства распространяют и на деятельность частных лиц, любителей: у истоков частных инициатив, как и у истоков всей агрономии, традиционно ставят А.Т. Болотова – замечательного естествоиспытателя, натуралиста и полевода. Если следовать этой логике, все сюжеты из области частного агрономического экспериментирования должны были быть связаны с улучшением важных для российской экономики промышленных культур. Однако, как показывает наше исследование, интерес частных лиц к агрономии связан не только с полями; он вообще нередко вызывался мотивациями, далекими от прагматических: не менее важными оказывались познавательная, развлекательная и эстетическая составляющие. Отечественная агрономия по крайней мере одной из своих предтеч имеет декоративное усадебное садоводство. Опыты с декоративными растениями в России, стране *европейской* дворянской культуры, стали любительским развлечением, «ученым занятием», а иногда и изысканным рецептом от скуки для русской помещичьей аристократии. Нетрудно догадаться, что первенство среди объектов экспериментирования заняли цветы. Дань цветоводству – «оправливанию и опалыванию цветов своих» – отдал и туль-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Фонда Сороса (проект RSS 218/1996).

ский дворянин А.Т. Болотов¹. Таким образом истоки отечественной агрономии связаны не только с полями и лугами, но и с садовым пространством российской усадьбы². Это роднит Россию с Англией, где сельскохозяйственная наука также начиналась с садов аристократов, в которых разводили редкие растения и «разговаривали с цветами»³. В России сложились свои традиции «опытов на цветочных грядках»; на них влиял уклад жизни поместного дворянства. Увлечение цветоводством, садоводством и другими областями агрономии, в свою очередь, способствовало формированию особого облика русской усадебной культуры. Об историко-научных и социокультурных аспектах российской усадебной агрономии пойдет речь в предлагаемой работе⁴.

Изучение усадебного экспериментирования непременно требует знания его ранней истории, связанной с возникновением усадебной культуры вообще. Это заставляет не только пристально всмотреться во времена великого реформатора Петра, но и коротко заглянуть в еще более далекий и, на первый взгляд, совсем мало обремененный наукой период допетровской Руси. Именно тогда под эгидой монархов и монахов возникли первые отечественные сады; этим периодом датируют зарождение практики усадебных экспериментов в России.

Читая описания первых российских садов, можно встретить упоминания об опытах с растениями: сейчас бы мы назвали это интродукцией и акклиматизацией. Пальма первенства принадлежала монастырям; например, в Киево-Печерской лавре уже в XI в. появились «насаженные византийскими монахами заморские растения», а в дальнейшем и «сорта» местной селекции⁵. Поэтому настояте-

¹ Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. М.: Современник, 1986. С. 491.

² При работе над статьей неоценимой поддержкой оказались труды по истории устройства садов и парков, которые позволили составить общие представления о тенденциях и особенностях этого процесса в России. Среди них: Врангель Н.Н. Старые усадьбы. Очерки истории русского искусства и быта. СПб., 1910; Курбатов В.Я. Сады и парки. Пг., 1916; Дубяго Т.Б. Русские регулярные сады и парки. Л., 1963; Косаревский И.А. Искусство паркового пейзажа. М., 1977; Лихачев Д.С. Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. 2-е изд. СПб.: Наука, 1991; Вергунов А.П., Горохов В.А. Русские сады и парки. М.: Наука, 1988; Вергунов А.П., Горохов В.А. Вертоград. Садово-парковое искусство России (от истоков до начала XX века). М.: Культура, 1996; Дмитриева Е.Е., Купцова О.Н. Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай. М.: О.Г.И., 2003.

³ Цит. по Д.Д. Ханту, который приводит строки Джона Ри (John Rea):

In your garden you can walk
And with each plant and flower talk...

См.: D.J. Hunt. The Figure in the Landscape: Poetry, Painting and Gardening during the Eighteenth century. London, 1976. P. 28. Теоретик английского садоводства XVII в. Д. Эвелин одним из первых предложил устраивать в садах питомники (nursery gardens), сочетать овощные огороды (kitchen gardens) и большие цветники, плантации редких растений и фруктовые деревья, пруды и химические лаборатории. Об этом см.: Лихачев. Поэзия садов... С. 81. О традициях английского садоводства также см.: Headfield (Hadfield) M. Pioneers in Gardening. London, 1955; Malins E. English Landscaping and Literature, 1660–1840. London, 1966; Курбатов. Сады и парки...

⁴ Слова «агроном», «агрономия» впервые появились в России в 1830-е гг. Так обозначали ученые занятия в сельском хозяйстве, в том числе связанные с возделыванием полей (от греческого *ἀγρός* – поле и *νόμος* – пользоваться). Тем не менее мы будем называть «агрономией» всю принадлежащую этой сфере научную деятельность, относящуюся и к более раннему времени. Мы будем считать «агрономию» и «агрономическую науку» синонимами; отметим, однако, что под «агрономией» часто понимают также практическую работу агрономов, в том числе в области животноводства.

⁵ Истоки монастырского садоводства в России специалисты связывают с деяниями монахов-византийцев, обучивших российских садовников. Монахи, прибывшие из центра православного монашества – со святой горы Афон в северной Греции, помогали в устройстве садов с яблоневыми, вишневыми и другими плодовыми деревьями в Киево-Печерской лавре, основанной при Ярославе Мудром в XI в. А.Э. Регель упоминает монаха Антония, который в 1051 г. после паломничества на Афон основал в лавре «яблонный сад» – неперенный атрибут монастырского сада-рая. Об этом см.: Регель А.Э. Изящное садоводство и художественные са-

ли монастырей, по личной инициативе которых устраивались подобные «вертоград» – сначала в Киевской Руси, потом в Московском царстве, могут считаться первыми российскими патронами агрономии⁶. Как отмечал А.Э. Регель, монастырские сады Московии изумляли и обывателей, и набожных царей и цариц, побуждая к заимствованиям. Вслед за монастырскими «возникли сначала царские, а там, конечно, и боярские сады, по возможности близко подходящие к монастырским; в конце концов, обыватели последовали тому же примеру, а в результате вся Москва запестрела в садах»⁷. Клерикальная линия имела позже свое, хотя и не очень интенсивное, продолжение в поддержании монастырского садоводства, развитии пчеловодства, создании сельскохозяйственных школ при монастырях и пр.

Гораздо плодотворнее оказалась светская традиция в садоводстве⁸. Частные сады, помимо отмеченного влияния на них православной монастырской культуры, как и многие другие российские нововведения, вдохновлялись примерами Западной Европы. Устройство садов имело там долгую традицию, восходящую к античному Риму и повсеместно возрожденную во времена Средневековья и Ренессанса. Россия заимствовала сначала голландские, немецкие, французские, а затем английские образцы (иногда примешивая к ним Восток). Вслед за Гарлемом, Вильгельмсхофом, Флоренцией, Римом, Фонтенбло, Лондоном сады и парки во множестве появились и в Московском Кремле, и в столичных усадьбах российской знати, и в провинциальных дворянских поместьях⁹. Своим появлением сады оказались обязаны не только эстетству, любознательности и «ученым амбициям», не только преслову-

ды. СПб., 1896. Кроме плодовых деревьев, в садах имелись декоративные кустарники, живые изгороди из желтого жасмина, цветы. С XII в. известны сады при монастырях в Чернигове, Новгороде Северском, Галиче, Путивле, Владимире, Муроме и др. древнерусских городах. Судить об этих не дошедших до наших дней садах можно по более поздним насаждениям Валаамского, Толгского, Соловецкого монастырей, где частично сохранились кедровые и лиственные рощи, аллегорические композиции из лип и пр. Так, в XVI в. при Толгском монастыре под Ярославлем игумен Феодосий распорядился посадить рощу сибирского кедра. Вероятно, это один из первых в России опытов массовой культуры древесных экзотов. См.: Данилов Е.А., Борткевич В.М. К истории акклиматизации и натурализации древесных пород в России // Труды по прикладной ботанике, генетике и селекции. 1925. Т. 14. Вып. 4. «Вплоть до XV–XVII вв. развитие садово-паркового искусства связано прежде всего с деятельностью монахов, которые упорно и последовательно накапливали необходимые навыки, берегли древние традиции, экспериментировали, распространяли садоводческие знания по всем уголкам сначала Киевской, а потом и Московской Руси», – пишут об этом периоде А.П. Вергунов и В.А. Горохов (см.: Вергунов, Горохов. Вертоград... С. 56).

⁶ Об истории частного патронажа наук см., например: *Shapin S. Property, Patronage, and the Politics of Science: The Founding of the Royal Society of Edinburgh* // *British Journal for the History of Science*, 1974. Vol. 7. P. 1–41; *The Patronage of Science in the Nineteenth Century* / Ed. by G.L.E. Turner. Leyden, 1976. Истории аристократического вспомоществования отечественным наукам посвящена статья: Александров Д.А. Историческая антропология науки в России // ВИЕТ. 1994. № 4. С. 3–22.

⁷ Регель. Изящное садоводство... С. 15.

⁸ Историк архитектуры Е.В. Смирнова приводит следующую классификацию садов на основе функционально-типологического признака: сады при монастырях; сады при частных домовладениях; аптекарские и ботанические; сады при заводских конторах, домах заводууправляющих, гос. учреждениях, гимназиях, больницах; публичные сады, скверы, бульвары. См.: Смирнова Е.В. Вятские и пермские городские сады XVIII–XIX вв. Автореферат. Дисс. на степень кандидата архитектуры. М., 1991. С. 11. Коротко остановившись на первой группе, мы будем рассматривать главным образом сады при частных домовладениях, а также частные ботанические сады.

⁹ Мы выделяем столичные и провинциальные усадьбы лишь географически, вполне соглашаясь с мнением О.С. Евангуловой, которая полагает, что «усадьба не входит в триаду “Санкт-Петербург–Москва–Провинция”, хотя и связана с этими компонентами... Находясь вне противостояния «столица – провинция», усадьба самолюбиво претендует на исключительное положение: не ниже столиц и определенно выше провинции...» (см.: Евангулова О.С. Художественная «вселенная» русской усадьбы. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 17).



Соловецкие острова. Старая монастырская кедровая аллея

той «праздности» и «обломовской лени» российской аристократии. Н.Н. Врангель добавляет к этому списку «русское самодурство» – «главный двигатель нашей культуры и главный тормоз ея». Он говорит о «помещиках-самодурах... в часы досуга занимающихся меценатством так же охотно, как ловлей зайцев и лисиц, как заказом вкусного обеда или поркой провинившихся девок». В частности, в садово-парковом искусстве «безудержные фантазии доморощенных меценатов создали часто смешные, чудаческие затеи, часто курьезные пародии, но иногда и очаровательные, самобытные и тем более неожиданные волшебства»¹⁰.

Так или иначе сад и парк стали местом отдыха и развлечений знати; здесь, не уезжая из усадьбы, можно было перенестись в далекие страны, наблюдая заморские растения, часто в соответствующем искусственно созданном ландшафте. Сад выполнял и представительскую функцию: здесь принимали гостей, демонстрируя диковинки. «Каждый сад [...] должен был изумлять посетителя какими-либо редкими, экзотическими растениями [...] особенно начиная с XVI в. Поэтому при садах [...] делались обширные оранжереи, парники [...] И эти оранжереи, парники [...] были главной гордостью их хозяев. В них приводили гостей, их показывали, ими “угощали”» Они поднимали престиж владельцев, свидетельствовали об их знаниях и интересах, об их вкусе, а потому на них затрачивались огромные средства и при них держали огромную массу садовников и садовых рабочих. И часто воздвигали не на задворках, а на парадных местах», – пишет о роли сада и его «подсобных» помещений Д.С. Лихачев¹¹. Для устройства парков, садов и цветников русская знать нанимала иностранных специалистов; те, в свою очередь, создавали школы для подготовки русских садовников. Некоторые помещики демонстрировали более глубокий интерес к науке: изучали труды по естествознанию и сельскому хозяйству и даже вели наблюдения – чаще в садах, а иногда и на огородах, и на полях. Нередко приглашали именитых профессионалов для проведения опытов. Тогда усадьба одновременно превращалась в научную лабораторию, где удовлетворяли интерес к естественным наукам. Наконец, единицы шли еще дальше, создавая частные опытные учреждения – ботанические сады, опытные поля и станции. Все это, однако, не перечеркивало эстетического начала сада и усадебного экспериментирования в целом: тот же Лихачев отмечает, что «эстетизации подвергались не только растительные “редкости”, экзотические цветы и деревья, но и хозяйственные постройки – фермы, молочни, оранжереи, лаборатории, обсерватории...»¹². О том, какое значение придавали оранжереям их сановные владельцы, можно судить по именам проектировавших их архитекторов. Так, в Царском Селе оранжерейный комплекс возводил Дж. Кваренги и затем перестраивал В.П. Стасов; знаменитому К. Росси принадлежал проект оранжереи на Елагином острове; А. Ринальди строил Лесную оранжерею в Гатчинском парке; в Нижнем парке Петергофа оранжерею проектировали И. Браунштейн и М.Г. Земцов¹³.

¹⁰ Врангель Н.Н. Помещичья Россия. Старые усадьбы: очерки русского искусства и быта // Старые годы. 1910. Июль-сентябрь. С. 5–6.

¹¹ Лихачев. Поэзия садов... С. 17.

¹² Там же. С. 17.

¹³ См.: Горьшина Т.К. Зеленый мир старого Петербурга. СПб.: Искусство СПб., 2003. С. 312.

«Высочайшие» инициативы: опыты в царских «парадизах»

Моду на «садоводческие забавы» задавала царская семья – и прежде всего сам монарх: «...Цари вообще любили садоводство, которое занимало самое видное место в их домашнем хозяйстве»¹⁴. В этом смысле частный патронаж агрономической науки в России, истоки которого можно усматривать в садоводческих инициативах «просвещенных монархов», смыкается с государственным.

Есть указания на то, что царские сады появились в Москве еще в XV в. Ранние царские сады, как и монастырские, имели главным образом утилитарное значение. Считается, что первый сад был заложен по приказу Ивана III в 1495 г. на правом берегу Москвы-реки, напротив Кремля¹⁵; там уже имелась оранжерея¹⁶. С XVII в. известно про строительство кремлевских Верхнего и Нижнего набережных садов, а также «верховых» (прикомнатных) висячих садов-террас. Существуют описания садов времен царствований Михаила Федоровича и Алексея Михайловича, сделанные известным историком И.Е. Забелиным¹⁷. По его данным, еще в 1623 г. садовник Назар Иванов, «уряжая государев сад в Верху, т. е. во дворце», выбирал и выискивал по всем садам Москвы лучшие яблони, груши и посадил в этот сад своих собственных «три яблони большие наливу да грушу царскую»¹⁸. В летописях того времени есть также свидетельства о «древних государевых садах» за пределами Кремля: у села Кудрина, на Воронцовом поле, на Пресне, в Покровском и др. Один из лучших садов того времени – в Покровском (Рубцове) был заложен российскими садовниками в 1635 г. и позже обновлен «дохтуром» Виндиминусом Сибилюсом. В саду имелось немало «заморских» растений, в том числе махровые розы; сад поддерживался в образцовом порядке на протяжении века¹⁹.

К этому же периоду (XVI–XVII вв.) относится появление государственных аптекарских садов, называемых также «огородами», истории которых мы в данной работе не касаемся.

Подлинный расцвет «царского» садоводства, однако, связывают со второй половиной XVII в. Масштабные садоводческие нововведения начались в годы правления Алексея Михайловича. В это время расширились и обогатились кремлевские сады, где по распоряжению царя занялись массовой интродукцией растений. В 1654 г. царь приказал доставить из Голландии два десятка «дерев садовых заморских овощей», в том числе апельсины, лимоны, шелковицу, абрикосы, миндаль; они не попали в Москву из-за «морового» карантина²⁰. Известен указ царя от 15 апреля 1657 г., которым он повелевал «построить в своем государеве верхнем саду всякие розные цветы, дохтуру (а не простому садовнику) против того как построенное в Обтекарском саду, не упусти времени»²¹. Из этой цитаты видно, что садоводческие устремления Алексея Михайловича как «частного лица» существовали па-

¹⁴ Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Кн. I. Государев двор или дворец. М.: Книга, 1990. С. 116.

¹⁵ См.: Вергунов, Горохов. Русские сады и парки... С. 27.

¹⁶ См.: Вергунов, Горохов. Вертоград... С. 43.

¹⁷ См.: Забелин И.Е. Московские сады в XVII столетии. М., 1856; Забелин. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М.: 1990; Забелин И.Е. Опыт изучения русских древностей и истории. Ч. 2. М., 1873.

¹⁸ Забелин. Домашний быт русских царей... С. 110.

¹⁹ См.: Вергунов, Горохов. Вертоград... С. 44; Берх В.Н. Царствование царя Михаила Федоровича. СПб., 1832.

²⁰ Забелин И.Е. Выписка заморских деревьев в 1654 г. // Журнал садоводства. 1859. Т. 7. № 1. Отдел «Смесь». С. 52–53.

²¹ Цит. по: Забелин. Домашний быт русских царей... С. 110–111.

параллельно с «государственными занятиями» (устройством аптекарских огородов). При этом царь ревниво следил за тем, чтобы его собственный сад ни в чем не уступал «казенному». Приводя описание уже реконструированных в 1702 г. Верхнего и Нижнего набережных садов, Забелин перечисляет культивируемые там растения, отмечает сортовое разнообразие традиционных яблони и груши, значительное число интродуцированных культур. Так, в Верхнем саду имелись «сто тридцать яблоней наливу, скруту, аркату; двадцать пять груш сарских, волоских; восемь кустов винограду, один куст байбарису [...] шесть кустов пиона красных, девять ящиков гвоздики»; в Нижнем саду помимо плодовых растений росли «тысяча тюльпанов цветных, три тысячи средних и мелких, восемьдесят крон цветных, семьдесят нарцисс, восемьдесят два куста лилий желтых [...] два ящика руты»²²; еще через несколько лет там появились грецкие орехи, розы, сирень. Таким образом, кремлевские сады пополнялись новыми «сортами» и акклиматизированными южными плодовыми и декоративными культурами.

Интересны подмосковные вотчины Алексея Михайловича – Коломенское и Измайлово. Во второй половине XVII в. в Измайлове начали закладывать то, что позже историки называли «царской образцовой усадьбой»: «усадьба создавалась как пример ведения сельского хозяйства, чей опыт должен был распространиться по всему государству. Царь, выступавший в качестве хозяина-помещика, поощрял нововведения в полеводстве, садоводстве, пчеловодстве»²³. Строительство началось в 1666 г. Садовников набирали из числа монахов и стрельцов, сведущих в садоводстве; некоторых отправляли «в экспедиции» собирать диковинки²⁴. Так, в 1670 г. высеяли уникальные семена хлопчатника, привезенные Ф.Г. Аносовым с Терека²⁵; астраханца И. Савельева направили для закупки «заморских семян, деревьев и трав»²⁶. Для «царского слетя» выращивали всевозможные овощи и фрукты: груши, «царские» сливы, белые и красные вишни и пр. Разводили виноград, который доставляли из Киева, Астрахани и Северного Кавказа; для ухода за этой культурой из Киева был выписан «виноградный садовник» старец Филарет. Виноград успешно плодоносил, укрываемый на зиму рогожами. Виноградники в Измайлове, не раз подновляемые, существовали, по крайней мере, до 1691 г.²⁷ Предпринимались попытки культивировать в условиях Подмоскovie и другие экзоты – дыни и арбузы, что требовало специальных знаний и особого ухода²⁸.

Общей планировкой садов и подбором растений занимались иноземцы: немцы И. Капшир и В. Давид, голландец Г. Хут²⁹. Григорий Хут стал главным садовником;

²² Забелин. Домашний быт русских царей... С. 116.

²³ Вергунов, Горохов. Вертоград... С. 56.

²⁴ Об устройстве и насаждениях измайловской усадьбы см.: Макаров В.Д. Древнейшие сады в Москве // Садоводство. 1846. Т. 5; Собачков В.И. Краткий очерк садоводства в Москве до Петра I // Садоводство. 1864. № 4; Забелин. Московские сады в XVII столетии...; Снегирев И.М. Дворцовое село Измайлово // Русские достопримечательности. М., 1877. Т. 2; Шамурин Ю. Подмосковные. Ч. I и II. М., 1912–1914; Некрасов А.И. Древние подмосковные. Александрова слобода, Коломенское, Измайлово. М., 1923; Воронин Н.И., Ильин М.А. Древнее Подмоскovie. М., 1947; Дубяго. Русские регулярные сады и парки... Палентреер С.Н. Сады XVII века в Измайлове // Сообщение Ин-та истории искусств АН СССР. 1965. № 7. С. 80–104; Головкин Б.Н. История интродукции растений в ботанических садах. М.: Изд-во МГУ, 1981.

²⁵ См.: Тер-Аванесян В.Д. К истории хлопководства в СССР // Материалы по истории земледелия в СССР. Сб. 11. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 570.

²⁶ Вергунов, Горохов. Вертоград... С. 57.

²⁷ Чекан И.В. Виноградарство в Русском государстве XVII в. // Материалы по истории земледелия в СССР. Сб. 11. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 634–641.

²⁸ См.: Вергунов, Горохов. Вертоград... С. 56.

²⁹ См.: Головкин. История интродукции растений... С. 66. По данным Головкина, Г. Хут был приглашен из Германии.



Измайлово, 1726 г. (?). Гравюра И. Зубова

он разбил знаменитый Просяной сад с куртинами из полевых злаков, цветниками с узорами по мотивам русских изразцов, живыми изгородями и т.д. Потешный (итальянский) сад выполнял развлекательную функцию: тут был лабиринт с фонтаном, множество цветников с тюльпанами, нарциссами, пионами, лилиями и другими «немецкими» цветами. Самым крупным – размером в 16 десятин – и самым красивым, по мнению историков, был Виноградный сад. Прогуливающиеся по специально построенным крытым галереям могли любоваться тщательно продуманными цветовыми сочетаниями садовых культур: центральная часть сада была выделена яркой широкой полосой цветущего мака, расположенной между пшеницей и смородиной³⁰. В саду, в соответствии с его названием, «разводились виноградные лозы, также росли разных сортов яблоны, груши, сливы, вишни и другие иностранные деревья. Еще до сих пор (речь идет о середине XIX в. – О.Е.) уцелели аллеи двухвековых лип, саженных, по преданию, царем Алексеем Михайловичем, под тенью которых любили гулять в юности Петр I со своими наставниками...»³¹.

Царь Петр, часто бывавший в Измайлово, обязан ему своими первыми агрономическими познаниями: «здесь он наблюдал жизнь самого передового в России хозяйства, результаты опытов введения новых культурных растений...»³². Измайлово сыграло в его пристрастиях и планах значительную роль. Особый интерес к гол-

³⁰ См.: Вергунов, Горохов. Вертоград... С. 61.

³¹ Забелин. Московские сады в XVII столетии... С. 15–16.

³² Вергунов, Горохов. Вертоград... С. 62.

ландским садам, как считают специалисты, вызван детскими впечатлениями от московских садов (прежде всего Измайлова), испытавших уже влияние голландского барокко. Включенная его отцом в садовые ландшафты липа, наряду с дубом, стала любимым деревом Петра; царь всегда и везде хотел видеть душистые цветы и травы, которыми изобиловало Измайлово. Устраивая сады и парки в своей новой столице, Петр использовал измайловскую усадьбу как источник посадочного материала, повелевая, например, прислать в Санкт-Петербург, «не пропуская времени, всяких цветов из Измайлова не помалу, а больше тех, кои пахнут»³³.

Петр I, безусловно, был самым активным из «высочайших» покровителей садоводства. Интерес к садоводству следует рассматривать в контексте реформаторской политики Петра – повсеместного насаждения европейской культуры. Д.С. Лихачев утверждает, что «Петр на всю жизнь сохранил особое отношение к садам и, пытаясь перестроить русский быт, начал именно с садов»³⁴. Если раньше сады выполняли в первую очередь утилитарные и декоративно-развлекательные функции, начиная с петровских времен к числу мотиваций их разведения добавилась научно-просветительская компонента. Наряду с академиями, университетами, музеями и картинными галереями, сады и парки призваны были служить укоренению европейской культуры: там предстояло собирать и демонстрировать ценные коллекции, заниматься «научными штудиями» – все в области растительной жизни. Но прежде необходимо было перенять и усвоить западноевропейский опыт: научиться разводить регулярные парки, населить их экзотическими растениями, требующими от садовников специальных ботанических знаний. Что касается растительного разнообразия создаваемых садов и парков, здесь, помимо уже отмеченных юношеских пристрастий Петра, немалую роль сыграли зарубежные впечатления от посещаемых им европейских дворцовых «парадизов», и вообще – личные вкусы царя, которые, по мнению Д.С. Лихачева, определили особый стиль садово-паркового искусства первой половины XVIII в.³⁵

Деятельность Петра в области садоводства не ограничивалась формальными приказами. Царь следовал европейской традиции «высочайшего патронажа», когда монарх выступает как заинтересованный патрон научных исследований, нанимающий лучших профессионалов и покровительствующий их деятельности³⁶. Среди тех, кто работал над осуществлением петровских замыслов, традиционно лидировали голландские садовники и ботаники: создатель Летнего сада, любимец Петра Ян Розен; служивший там же Г. Фохт; Я. Эйк, разбивший Нижний сад в Ораниенбауме, ученый-врач Н. Бидлоу (Бидлоо), занимавшийся устройством сада при госпитале в Лефортовской слободе и проектированием садов в реконструируемой Головинской усадьбе на Яузе в Москве³⁷. Было немало немцев, в том числе Л. Гарнихфельт, работавший в Петергофе, и его племянник К. Шредер – главный придворный садовый мастер в 1730-е гг.; среди специалистов петровского времени – французы Леблон, Жирар и многие другие³⁸.

³³ Письма и бумаги Петра Великого. СПб., 1893. Т. III. № 636. С. 42.

³⁴ Лихачев. Поэзия садов... С. 126.

³⁵ См.: Лихачев. Поэзия садов... С. 143.

³⁶ См.: Кузнецова Н.И. Социокультурные проблемы формирования науки в России (XVIII – середина XIX вв.). М., 1997. С. 41–47.

³⁷ Об архитектурных проектах известного врача, создателя Московского военного госпиталя Николаса Бидлоо (1674–1735) см.: Аронова А.А. Усадьба Николаса Бидлоо: первый голландский сад в Москве // Русская усадьба. 1999. Вып. 5(21). С. 181–191.

³⁸ См.: Вергунов, Горохов. Вертоград... С. 110–111.



Петр I. Гравюра конца XVII в.

Летний сад – ровесник города Петра – стал первым опытом создания открытого для публики регулярного паркового ансамбля, сочетающего культурно-просветительские (выставка скульптуры, в том числе аллегорической, военно-мемориальный комплекс), утилитарные (прием делегаций и др.) и научно-прикладные (акклиматизационный сад, питомник и рассадник растений) функции. «Летний сад стал для Петра [...] одним из интродукционных пунктов, где в декоративных посадках и первых оранжереях проходили проверку многие инорайонные растения»³⁹. Сад петровского времени значительно отличался от сегодняшнего: «Огромное значение для развития декоративного и плодового садоводства имели оранжереи Летнего сада... (1718 год, Г. Фохт). Здесь проходили первую проверку многие виды растений, которые затем широко внедрялись в других садах и парках, заложенных в 1720–1730 годах в новой столице и вокруг нее»⁴⁰. По описанию 1710 г. в круглой оранжерее «выставлено несколько померанцевых, лимонных и лавровых деревьев, также гвоздичных кустов»⁴¹. Француз П. Дешизо, приглашенный в 1724 г. для изучения возможности устройства в городе ботанического сада, видел в Летнем многие растения «из обеих Индий», «как в лучших ботанических садах», в том числе алоэ, опунции, фикусы, кофейное дерево, пальмы, ливанский кедр и другие⁴². Летний сад имел большой питомник, куда доставляли растения для дальнейшего использования в ландшафтных композициях: липы привозили из Нарвы, вязы – из Москвы, грабы – из Киева, кедры и пихты – из Соликамска, яблони – из Швеции, пионы, белые лилии и барбарис – из Голландии и Пруссии (Данцига), гороховник, таволгу, «зеленицу» – из Сибири и пр. и пр.⁴³. Заметим, что по указанию царя в Летний попадали не только молодые саженцы, но и взрослые деревья. Пересадка взрослых деревьев стала своеобразной приметой петровского садоводства. Петр сам предложил одну из методик – зимнюю пересадку с удалением верхушек, оказавшуюся, однако, малопродуктивной. Поэтому стали практиковать летние пересадки с комом земли, а для зимних сконструировали специальную машину, «которая деревья вынимает» полностью. Подобным способом удавалось пересаживать даже достаточно капризные породы⁴⁴. Таким образом, в саду кроме интродукционных поисков осуществлялась широкая экспериментальная работа по пересадке крупномеров. Здесь уместно вспомнить и об особом отношении Петра ко всей растительности на осваиваемых территориях. Согласно его указу, «буде в тех же местах явятся дуб, клен и липа, оные оставить и не вырубать, а ежели явятся в таких местах, где надлежит быть строению, и оные дубовые, кленовые и липовые деревья выкопать ныне и впредь в надлежащее время и посадить в огороды или в других удобных местах»⁴⁵.

Из сказанного выше следует, что Петр выступал как патрон *практикующий*, знающий предмет, отдающий весьма квалифицированные распоряжения, собственноручно осуществляющий ряд работ. Это документально подтверждено многими источниками. «То мореплаватель, то плотник», Петр был и ландшафтным ди-

³⁹ Головкин. История интродукции растений... С. 69.

⁴⁰ Вергунов, Горохов. Вертоград... С. 80.

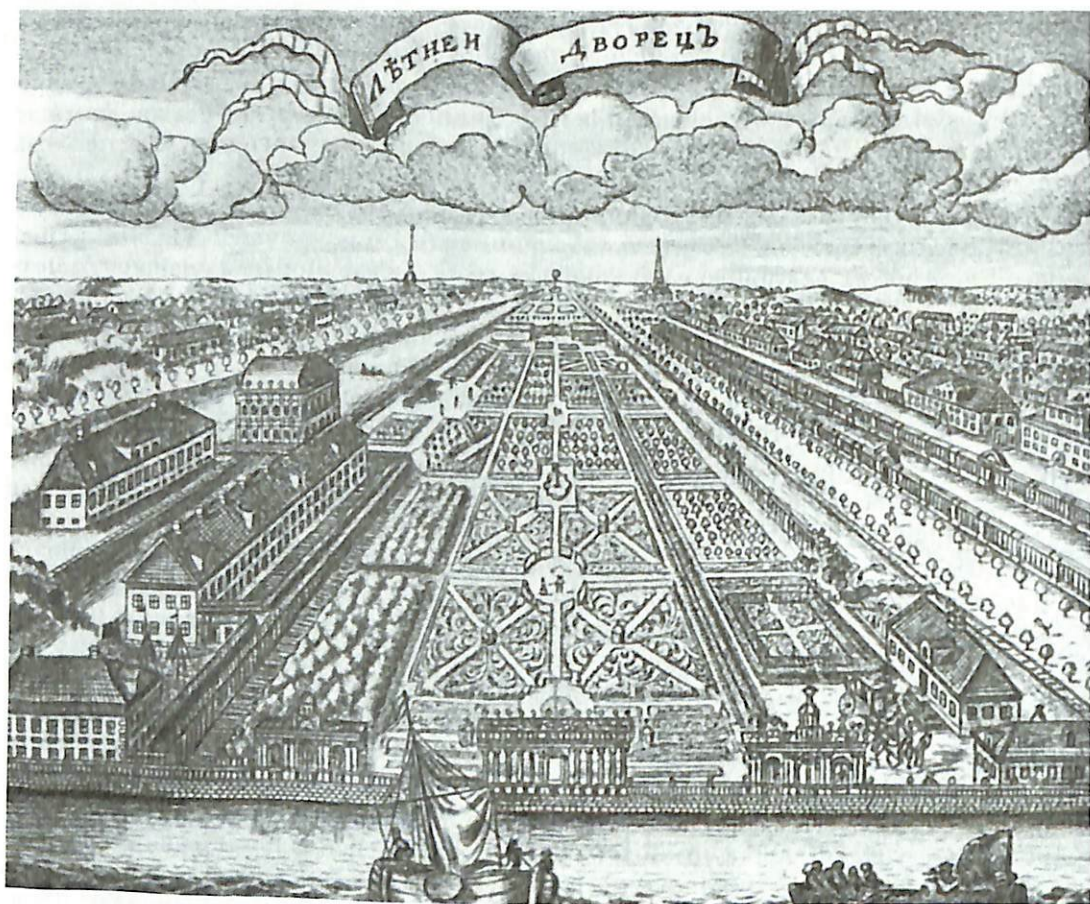
⁴¹ Цит. по: Семеникова Н. Летний сад. Л., 1978. С. 20.

⁴² См.: Дешизо П. Записка, написанная с целью доставить сведения о натуральной истории растений России и для устройства ботанического сада в Санкт-Петербурге. Париж, 1725. Цит. по: Горьшина. Зеленый мир старого Петербурга... С. 319.

⁴³ См.: Регель. Изящное садоводство... С. 179.

⁴⁴ См.: Горьшина. Зеленый мир старого Петербурга... С. 146.

⁴⁵ Цит. по: Дубяго. Русские регулярные сады и парки... С. 328.



Летний сад в 1717 г. Гравюра И. Зубова

зайнером, и садоводом: в 1716–1717 гг. – в разгар строительства «Северной Пальмиры» – царь посетил лучшие дворцово-парковые ансамбли Англии и Франции, где изучал принципы устройства регулярных садов и делал собственные зарисовки. Есть указания на то, что он лично составил обширную библиотеку по садоводству и садовому планированию⁴⁶, в которой имелись труды Ж.-Б. Леблона, Д'Аржанвиля и других признанных специалистов. Известны Петровы эскизы и чертежи Летнего («разведен [...] по плану, нарисованному самим государем»⁴⁷), Лефортовского, Петергофского, Стрельнинского и других садов⁴⁸. Причем «это были не опусы монарха-дилетанта, а графические наброски, указания и рекомендации знатока, профессионально разбирающегося в планировке садов и особенностях древесных и цветочных насаждений»⁴⁹. В бумагах Петра есть детальные распоряжения о доставке отдельных культур. Так, 25 апреля 1712 г. Петр писал российскому послу в

⁴⁶ О заказе Петром «садовых книг» можно судить, например, по ответному письму Петру Любса от 16 ноября 1710 г. См.: Письма и бумаги Петра Великого. М., 1956. Т. 10. С. 727.

⁴⁷ Шубинский С.Н. Очерки из жизни и быта прошлого времени С.Н. Шубинского. СПб., 1888. С. 1.

⁴⁸ См.: Базарова Т.А. Планы петровского Петербурга. СПб., 2003.

⁴⁹ Кочарианц Д.А., Раскин А.Г. Сады и парки дворцовых ансамблей Санкт-Петербурга и пригородов. СПб.: Паритет, 2003. С. 10.

Голландии Б.И. Куракину: «...Около Гарлема есть липовые деревья от семян (а не из диких) в песочных местах, которые продают и отвозят в Штокгольм и прочие нордские места, и о таких потрудитесь, дабы достать тысячи две, толщиной в 6 дюймов вокруг, или в 3 дюйма в диаметр и чтоб от корени отсечены были вверх 10 футов»⁵⁰. В ответном письме от 28 октября Куракин сообщал, что «деревья липовые 1300 отправлены на корабле до Ревеля»⁵¹. Выписка липовых деревьев производилась партиями в сотни и тысячи экземпляров. В 1716 г. Петр отдал распоряжение А.И. Ушакову о «приискании до 100 тысяч молодых деревьев». Кроме липы, Петр хотел иметь также каштаны, бук, вяз, кедр, граб, лиственницу – их выписывали из Амстердама, Москвы, Львова, Острога, Путивля, из Сибири. Занимаясь более капризными каштанами, Петр предлагал варианты интродукции их на разные почвы. В 1724 г. царь приказал посадить из тысячи полученных деревьев: 350 – на песчаной земле, 350 – «на иловатых местах», остальные – на болоте⁵². Петр особо заботился о перевозке взрослых деревьев, предлагая собственные конструкции. В письме Ф.М. Склярову от 21 июня 1706 г. он пишет: «Таже вели сделать несколько распусков на пушечных колесах, чтоб на оных возможно возить липины, которые толстою кругом дюймов в 12 или в 15, с кореньем и з землею»⁵³. При разбивке сада в Лефортове Петр дает указания, свидетельствующие о детальной проработке плана будущего сада и знании особенностей роста различных культур: «Насадить дикого лесу, а именно липу, клену, вязу, илиму, ясеню, орешнику, чтоб было густо, а где места по углам и в сторонах будет довольно, сделать розные Ермитажи [...] около канала и по большим дорогам посадить стамбом кленовые [...] сделать крытую дорогу через дерево липу и клен, для того через дерево, что липа гуще снизу растет, а лениво кверху, а клен вверху скорая, чего у клену подобно снизу все сучья обрезать, а оставлять только наверху, чтоб по сторонам снизу липы было место»⁵⁴. Многие авторы приводят перечни «собственноручных насаждений» царя. Среди них – царские посадки сосен в Стрельне – восстановленной сегодня одной из ранних приморских резиденций Петра. Там, на круглом Петровском острове, посреди главного канала, Петр высеял семена, собранные им ранее в немецком Гарце; до наших дней сохранились некоторые выросшие из них деревья. В середине 1990-х гг. погиб знаменитый дуб, высаженный Петром в парке на Каменном острове. В Аптекарском саду в Москве, основанном в 1706 г. (сад Медико-хирургической школы отделения Генерального госпиталя, сейчас – старый Ботанический сад Московского университета), сохранилась лиственница, как считается, царской посадки⁵⁵.

Завершая разговор о частных инициативах царя, вспомним слова А.Н. Бенуа, который утверждал, что Петр в своих усадебных владениях «превращается в голландского средней руки помещика, радушного хозяина, любителя цветов...»⁵⁶. Если относительно самобытности вкусов и размаха деяний царя (которые едва ли под силу среднему голландцу) можно поспорить, то главная часть этой характери-

⁵⁰ Письма и бумаги Петра Великого. М.; Л., 1975. Т. 12. Вып. 1. С. 180. Также см.: Архив князя Ф.А. Куракина. СПб.; Саратов, 1890–1894. Кн. 2.

⁵¹ Письма и бумаги Петра Великого... 1977. Т. 12. Вып. 2. С. 432.

⁵² См. об этом: Письма и бумаги Петра Великого... 1975. Т. 12. Вып. 1. С. 470.

⁵³ Письма и бумаги Петра Великого. СПб., 1900. Т. IV. С. 304.

⁵⁴ Цит. по: Евангулова О.С. Дворцово-парковые ансамбли Москвы первой половины XVIII века. М., 1969. С. 20.

⁵⁵ См.: Вергунов, Горохов. Вертоград... С. 80.

⁵⁶ Бенуа А.Н. Жизнь художника. Воспоминания. Нью-Йорк, 1955. Т. 1. С. 24.



*Ива, посаженная по преданию Петром I на берегу пруда в аптекарском огороде
(старый Ботанический сад МГУ)*

стики представляется нам верной. Петр действительно выступает в своих садоводческих начинаниях как помещик – неважно, какого масштаба. Он – любитель гостей и растений – закладывал в России традиции усадебной жизни: сажать, экспериментировать, выискивать диковинки, развлекая себя работой и окружающих результатами. Д.С. Лихачев замечал: «Приходится удивляться, с какой неустанной заботливостью и требовательностью относился Петр к устройству садов и с какой осведомленностью и вниманием вникал он во все детали садового искусства. Петр отлично понимал, что сад [...] есть прежде всего место просвещения и воспитания. Сад учил русских людей европейской символике, эмблематике и мифологии, что позволяло русским людям общаться с иностранцами на общей культурной почве [...] Семантика садов играла в петровском просветительстве одну из первых ролей»⁵⁷.

«Садоводческое дело» Петра развивали российские императрицы. В недолгое правление Екатерины I продолжалось строительство и создание парков и садов в усадьбе на месте старой Саарской мызы – будущего Царского Села. Послепетров-

⁵⁷ Лихачев. Поэзия садов... С. 147.



Екатерина II с семьей Павла I в парке у бюста Петра I. Гравюра Д. Бергера с картины Антинга

ское барокко отмечено появлением роскошного Анненгофа с разнообразными по насаждениям садами – московской резиденции Анны Иоанновны, созданной молодым Ф.-Б. Растрелли. Многие из начинаний своего отца-реформатора завершила Елизавета Петровна. С ее правлением связан расцвет Царского Села, где по проекту Растрелли завершилось строительство большого дворцово-паркового комплекса; был заложен Новый и значительно расширен Старый (Екатерининский) сад⁵⁸. Эпоха Екатерины Великой добавила к частному садоводству представления о «натуральных», английских садах; несмотря на кажущуюся простоту и первозданность, устраивать такие сады было тонким искусством. Следует особо сказать о самой императрице, для которой, как и для Петра I, разведение садов стало личным пристрастием. Интерес к садоводству Екатерина проявила при строительстве Ораниенбаума – своей летней резиденции, возводимой А. Ринальди. Ее объяснения собственного участия в разбивке сада вполне традиционны для праздно помещицы: «Мне нужно было какое-либо развлечение, а это и было развлечение, которое могло развить воображение». И далее: «Мне вздумалось тогда развести себе сад в Ораниенбауме [...] Я начала делать планы, как строить и сажать, и так как это была моя первая затея в смысле посадок [...] то она приняла довольно обширные раз-

⁵⁸ См., например: Туманова Н.Е. Екатерининский парк. История развития и методика восстановления. СПб.: Стройиздат СПб., 1997. С. 16–21.

меры». Как и Петр, Екатерина II выступает здесь также и как частный патрон, приглашающий для обустройства сада специалистов, осуществляющих ее замыслы: «...Для посадки моего сада я [...] пользовалась услугами ораниенбаумского садовника Ламберти»⁵⁹. По ее распоряжению в Ораниенбаум и другие сады доставляли растения из разных частей света, и даже впервые произвели обмен: отправили 220 видов русской флоры (преимущественно семенами) в знаменитый английский ботанический сад под Лондоном в местечко Кью, которым руководил ботаник сэр Д. Бэнкс⁶⁰.

«Вельможные патроны ботаники» и первые ботанические сады

С легкой руки Петра устройство садов и парков вошло в моду среди придворной знати. А.Ф. Воейков, переводчик знаменитой поэмы «Сады» Ж. Делиля, использовал следующую метафору: Петр «Россию превратил в великолепный сад»⁶¹. По словам историка П.Н. Столпянского, Петербург XVIII века уже представлял собой сплошной сад⁶². Известно, что сподвижники Петра, богатые столичные вельможи разбивали «знатные сады, не хуже царских», как в Петербурге, так и в Москве: «Регулярные сады Петербурга, принадлежащие придворной знати, как бы соревновались в блеске и роскоши. Ведь они были зримым свидетельством общественного положения и богатства владельца»⁶³. Специально для А.Д. Меншикова, губернатора Ингерманландского края, возводился Ораниенбаум (завершен в 1727 г.) – громадная, сравнимая с Петергофом резиденция на берегу Финского залива с обширными садами. Над садами трудился известный мастер Х. Гарц, который разводил в оранжереях лавры и апельсины (изображения последних вошли в герб и дали имя Ораниенбауму). Вице-канцлер Шарифов владел усадьбой с садами на Мишином (Елагином) острове, Головин – на Каменном острове и в Заяузье в Москве, Шаховской, Строганов – усадьбами на берегах Финского залива и т.д.

Екатерининская эпоха стала временем расцвета садово-паркового искусства в империи. В это время Россия оказалась среди стран-лидеров устройства садов. По данным Международного комитета по историческим садам ИКОМОС/ИФЛА, в XVIII в. здесь было создано 65 садов и парков (в Англии – 71, в Италии – 66, во Франции – 51)⁶⁴. Возможно, это объясняется потребностью наверстать упущенное, сократить колоссальный разрыв с Западной Европой, где сады и парки во множестве существовали уже в XII–XIII вв. По словам Лихачева, в XVIII в. в России «на сады и парки тратится даже больше денег, чем на строящиеся в них дворцы. Владельцы поместий разоряются, стремясь превзойти друг друга в роскоши и красоте своих садов и парков»⁶⁵.

⁵⁹ Сочинения Екатерины II. М., 1990. С. 167.

⁶⁰ См.: Carter H.B. Sir Joseph Banks and the plants collection from Kew sent to the Empress Catherine II of Russian, 1795 // Bull. Brit. Mus. Nat. History. 1974. Vol. 4. № 5.

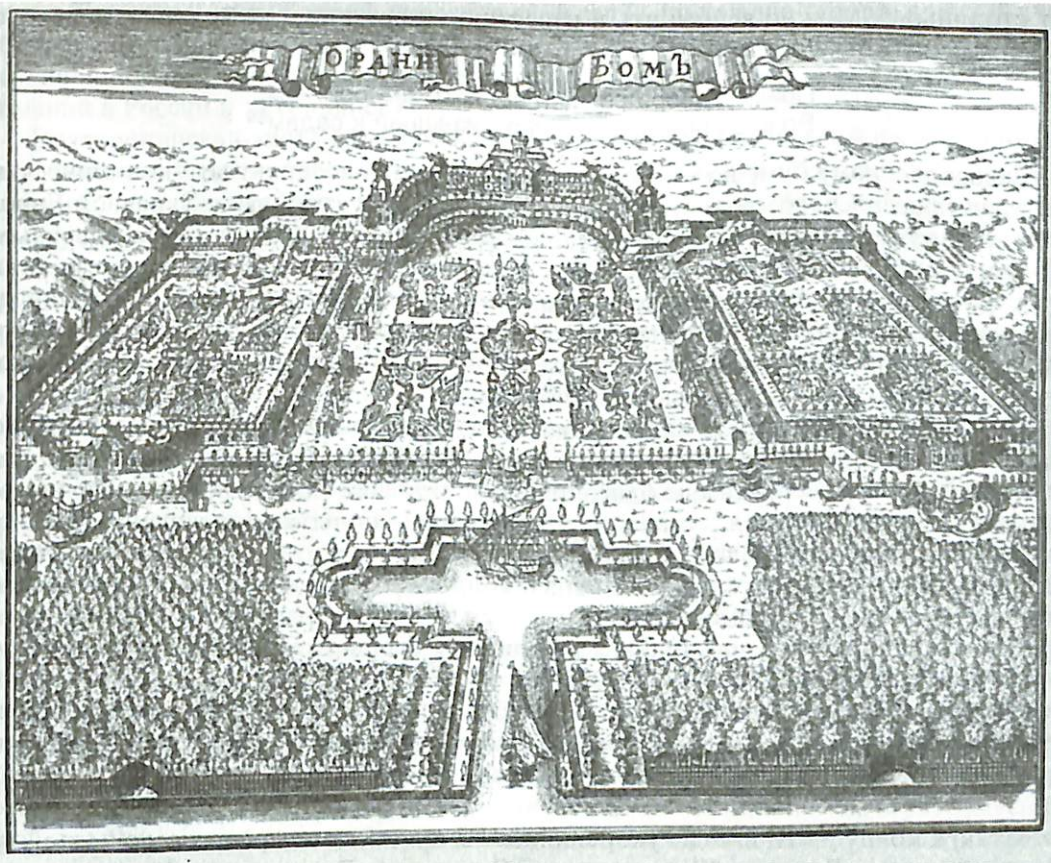
⁶¹ Делиль Ж. Сады / Перевод А.Ф. Воейкова. Л.: Наука, 1987. С. 103.

⁶² Столпянский П.Н. Сады старого Петербурга // Зодчий. 1913. Т. 42. Вып. 19. С. 222–223; Столпянский П.Н. Старый Петербург. Садоводство и цветоводство в Петербурге в XVIII веке. СПб., [без года].

⁶³ Вергунов, Горохов. Вертоград... С. 128.

⁶⁴ Данные приведены по: Микулина Е.М. История садово-паркового искусства и эволюция среды. Автореферат. Дисс. на степень доктора архитектуры. М., 1984. С. 7–8.

⁶⁵ Лихачев Д.С. Жак Делиль – учитель садоводства // Ж. Делиль. Сады... С. 210.



Ораненбаум. Гравюра Растовцева, 1717 г.

Развитию садового искусства способствовала социальная политика екатерининского правления. Манифест о вольности дворянства 1762 г., повсеместное межевание, активная раздача земель и деревень сделали поместья, в том числе отдаленные, основным местом пребывания аристократа XVIII в.⁶⁶; поместья быстро приобрели репрезентативное значение. Провинция увлекалась разведением усадебных садов не меньше, чем столицы. Этому помогла и введенная еще при Петре культура гравюр с изображением лучших садов и парков; дальнейшее их печатание в виде альбомов помогало найти образцы для создания «парадизов» в удаленных уголках империи⁶⁷. «Все, что происходило [...] в Царском Селе, Гатчине, Павловске, других царских резиденциях, тут же по-своему отзывалось в десятках и сотнях дворянских поместий, находящихся иногда за тысячу верст

⁶⁶ См.: Свод законов Российской империи. Т. 9. Законы о состояниях. СПб., 1899. Ст. 15; Иванова Н.А. Дворянская корпоративная организация в российском законодательстве конца XVIII – начала XX вв. // Призвание историка. Проблемы духовной и политической истории России. М., 2001. С. 176–201; Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России 1861–1904 гг. Состав, численность, корпоративная организация. М., 1979. С. 132–179; Дроздов И.Г. Судьбы дворянского землевладения в России и тенденции к его ликвидации. Пг., 1917; Хотяинцев Д.Д. К дворянству. М., 1908; Савелов Л.М. Дворянское сословие в его бытовом и общественном отношении. М., 1906; Семенов Н.П. Наше дворянство. СПб., 1898.

⁶⁷ См.: Евангулова. Художественная «вселенная» русской усадьбы... С. 13.

от столицы»⁶⁸. Можно вспомнить и известные строки поэмы Делиля в переводе Воейкова:

Пример двора священ вельможам, богачам;
Во всех родилась страсть изящная к садам⁶⁹.

Садоводческому буму во многом способствовала благоприятная экономическая ситуация российского «золотого века». Оживившаяся торговля с Западной Европой продуктами сельского хозяйства во второй половине XVIII в. вкупе с даровым крепостным трудом приносила крупную прибыль, что позволяло тратить средства на строительство, приобретение предметов роскоши, приглашение художников, садовников, ученых и т.д. Многие просвещенные аристократы старались быть на уровне современной европейской традиции – следили за последними веяниями в искусствах, живо интересовались развитием наук.

Приобщение к науке, воплощавшей в себе просвещение, было чрезвычайно важно для прогрессивно мыслящего дворянства XVIII в. Поместье открывало для научного любительства самые благоприятные условия: там происходила, по выражению О.С. Евангуловой, «игра в профессионала»: попытка преодоления «размежевания профессионального и любительского в глазах общественного мнения». Владельцы устраивали сады, занимались коллекционированием, систематизацией отечественных достопримечательностей и т.д. Такое подражание «большой» профессиональной науке в домашних, в том числе усадебных, условиях порой вносило в нее весомый вклад. «Чтобы не остаться семейной забавой и быть признанными за пределами своего круга, эти начинания требуют определенной эрудиции, непосредственной близости к науке, технике и их достижениям [...] При этом владелец дилетант приобретает новое амплуа – “эконома” (А.Т. Болотов), “ботаниста” (Разумовский, Демидов)»⁷⁰.

Итак, к концу XVIII в. сады укоренились – в прямом и в переносном смысле – на русской почве. Кусково Шереметевых, Останкино Голицыных, Архангельское Юсуповых, Андреевское Воронцовых, Ярополец Гончаровых, Ляличи Завадовских, Студенец Гагариных, Ольгово Апраксиных, Остафьево Вяземских, Суханово Волконских, Нескучное Трубецких, Тишань Румянцевых, Троицкое Дашковой, Яготин Разумовских – вот далеко не полный список знаменитых садов знаменитых аристократических родов. «Любовь к земле, саду, деревьям – ко всей природе была всегда сильна у русского человека. Ленивые помещики никогда не ленились, когда дело доходило до садов, и все приказания, сохранившиеся в “домовых конторах”, показывают, что Румянцев, Разумовские, Шереметевы и даже бездушный Аракчеев любили, холили, берегли природу и заботились о своих садах», – пишет об этом Н.Н. Врангель⁷¹.

Примечательно, что растения, как предметы коллекционирования, обменивали и дарили. Так, граф А.Р. Воронцов пересылал из своего имения Андреевское растительные диковинки своему другу П.В. Завадовскому в Ляличи, сестре Е.Р. Дашковой в Троицкое...⁷² Княгиня Дашкова, наперсница Екатерины II, единственная женщина – президент Российской академии и директор Императорской академии наук, любила и хорошо знала садоводство. В своих воспоминаниях она описывает,

⁶⁸ Вергунов, Горохов. Вертоград... С. 228.

⁶⁹ Делиль. Сады... С. 103.

⁷⁰ Евангулова. Художественная «вселенная» русской усадьбы... С. 81.

⁷¹ Врангель. Помещичья Россия... С. 17.

⁷² См.: Евангулова. Художественная «вселенная» русской усадьбы... С. 116.

как в Троицком «еще больше украсила свой сад [...] и каждое дерево, каждый куст был посажен при мне и в указанном мною месте. Любоваться своим произведением вполне естественно, и я утверждаю, что Троицкое – одно из самых красивых имений в России и за границей»⁷³.

Екатерининская эпоха ознаменовалась и появлением частных ботанических садов; помимо традиционных опытов по интродукции и акклиматизации, там занимались исследованиями по систематике, морфологии растений и т.д. Владелец сада выступал как частный патрон, нанимающий ученых специалистов: «...Такие усадьбы становились научными центрами, пользовались широкой известностью даже за рубежом»⁷⁴. При этом необходимо помнить, что «научные исследования» того периода следует понимать главным образом как систематизацию имеющихся сведений и передачу эмпирического опыта; программная исследовательская деятельность в то время только начинала оформляться⁷⁵.

Один из известнейших садов – усадьба Горенки под Москвой, с 1750 г. принадлежавшая знаменитому роду графов Разумовских⁷⁶. С Алексея Кирилловича Разумовского начинается ботаническая история Горенок⁷⁷. «Запущенный [...] сад был расчищен, засажен всевозможными породами деревьев; в примыкавших непосредственно к дому оранжереях были собраны чудеса растительного мира, создан ботанический сад, едва ли не первый в России»⁷⁸. Территория усадьбы составляла около 730 га; ее занимал декоративный парк, разбитый в английском пейзажном стиле, где в изобилии произрастали серебристые тополя, американские ели, сосны – Веймутова и сибирские; – коллекция сибирских и восточных растений была одной из лучших в мире⁷⁹. В Горенках были выстроены десятки оранжерей, расположенных в отдельных каменных корпусах (главная – пальмовая – имела высоту 12 м); в 1809 г. в теплицах Горенок впервые в Европе цвела ваниль⁸⁰. Во дворце хранились обширная ботаническая библиотека, коллекции семян, гербарий. Устройство Горенок обошлось Разумовскому более чем в миллион рублей. «В подмосковном великолепном поместье своем Горенках, среди царской роскоши заперся он один со своими растениями», – писал об увлечении Разумовского Ф.Ф. Вигель⁸¹.

Сад, действительно, поражал изобилием и разнообразием растений. По свидетельству современников, «богатства Природы, собранные в теплицах и оранжере-

⁷³ Дашкова Е.Р. Записки. 1743–1810. Л.: Наука, 1986. С. 180.

⁷⁴ Вергунов, Горохов. Русские сады и парки... С. 200.

⁷⁵ См.: Розов М.А. Проблемы эмпирического анализа научных знаний. Новосибирск, 1977. С. 166.

⁷⁶ О Горенском саде прежде всего см.: Некрасова В.Л. Горенский ботанический сад (материалы к истории русских ботанических садов) // Труды ИИЕТ АН СССР. 1949. Т. 3. С. 330–350; Описание ботанического сада е.с. графа А.К. Разумовского в Горенках близ Москвы (из писем одного путешественника) // Журнал садоводства. 1859. Т. VIII. С. 123–133; Свинын П. Странствования в окрестностях Москвы // Отечественные записки. 1822. Ч. 9. № 21. С. 18–23; Фишер Ф.Б. О пользе ботаники и ботанических садов // Земледельческий журнал. 1825. № 3. С. 319; Фишер Ф.Б. Ботанический сад // Энциклопедический лексикон Плюшара. СПб., 1836. Т. VI. С. 458–461; Греч А.Н. Горенки // Венок усадьбам. С. 144–146; Бобров Е.Г. Сад в Горенках и последние годы Сада Академии наук // От Аптекарского огорода до Ботанического института. М.; Л., 1957. С. 25–31.

⁷⁷ А.К. Разумовский, сенатор, попечитель Московского университета, министр народного просвещения, был известный масон, а также любитель естественных наук, покровитель Общества испытателей природы (председателем которого состоял), член многих других ученых обществ. О А.К. Разумовском см.: Васильчиков А.А. Семейство Разумовских, 1880–1894: В 3 т. СПб., 1880. Т. II.

⁷⁸ Бондаренко И. Горенки // Старые годы. 1911. № 12. С. 69–70.

⁷⁹ См.: Соколов М.П. Ботанические сады: основы их устройства и планировка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959.

⁸⁰ См.: Головкин. История интродукции... С. 72.

⁸¹ Вигель Ф.Ф. Записки Ф. Вигеля. М., 1892. Т. 3. С. 83.

ях, приводят в восторг: невольно изумляешься, как частный человек мог соединить в немногие годы столько сокровищ Природы из всех стран света»⁸². Однако граф в данном случае выступал не как «частный человек», а как «частный па-трон»: «богатства природы» собирали для него профессиональные ботаники Ф.Х. Стефан, И.И. Редовский и Ф.Б. Фишер. Фридрих Христиан Стефан официально заведовал садом в 1798–1803 гг.⁸³ За это время была заложена основа коллекции, пополнились библиотека и гербарий. Стефан использовал коллекции Горенок, в частности собрание сибирских растений, для исследований по систематике. Здесь он описал несколько новых видов и новый род *Biebersteinia*⁸⁴. В 1804 г. место заведующего занял молодой выпускник университетов Кёнигсберга и Лейпцига Иван Иванович Редовский. Он наладил связи с европейскими садами, что позволило значительно расширить горенские коллекции. Под его именем в 1803 г. вышел первый каталог растений, в котором было перечислено 2846 видов⁸⁵. В 1805 г. Редовский был назначен адъютантом ботаники и отправлен в русское посольство в Китай. Во время долгой поездки (ученый так и не добрался до Китая, проведя два года в путешествиях по Сибири, занимаясь коллекционными и гербарными сборами) он отправлял некоторые редкие растения в Горенки⁸⁶. В 1809 г. в Горенках его сменил Федор Богданович Фишер. При нем научные исследования – в виде экспедиций по сбору экзотической флоры и описанию коллекций – достигли наибольшего размаха. Горенскую коллекцию пополняли «лучшие ботаники того времени Лангсдорф, Таушер, Гельм, Лондес и др.»⁸⁷ В сад поступал также материал, привезенный русскими путешественниками из Тибета, Японии, Бразилии, Аляски. Так, к Разумовскому попали семена, собранные кругосветной экспедицией И.Ф. Крузенштерна⁸⁸. По данным каталога 1812 г., в Горенках было 8036 видов растений, многие из которых были новинками даже для известных садов Западной Европы⁸⁹. По свидетельству более позднего источника, растений в Горенках насчитывалось до 9000 видов⁹⁰. Не менее ценными был гербарий Горенок, число видов в котором достигало 10 тысяч. Согласно Е.Г. Боброву именно в Горенках сложились организационные формы работы большого ботанического учреждения, здесь же наметилось главное направление научных исследований: опыты по интродукции растений⁹¹.

Объединившиеся вокруг Разумовского ученые создали в 1809 г. первое в России ботаническое общество – «Société phytographique de Gorenki» («Фитографическое общество Горенок», или «Общество описательной ботаники»)⁹². Его членами были ведущие ботаники того времени Гофман, Фишер, Лангсдорф, Стефан, Триниус, Тунберг, Шребер, Вильденов, А. Гумбольдт и многие другие. Существовал устав общества, согласно которому его цели состояли в «расширении полезного круга

⁸² Отечественные достопримечательности, издаваемые Павлом Свиныным. М., 1823. Т. III. С. 129.

⁸³ См.: Головкин. История интродукции... С. 72.

⁸⁴ Stephan F. Descriptions de deux nouveaux genres des plantes // Mém. Soc. Nat. Moscou, 1806.

⁸⁵ См.: Некрасов. Горенский ботанический сад... С. 335.

⁸⁶ О Редовском см.: Г.И. Воспоминания о ботанике Иване Ивановиче Редовском // Отечественные записки. 1852. № VIII. Отдел «Смесь». С. 142–144; Бородин И. Коллекторы и коллекции по флоре Сибири // Труды Ботанического музея Академии наук. 1908. Вып. 4. С. 101–185.

⁸⁷ Бондаренко. Горенки... С. 69.

⁸⁸ Возможно, Разумовский получал образцы и от официального ботаника экспедиции Тилеизуса.

⁸⁹ См.: Некрасова. Горенский ботанический сад... С. 343.

⁹⁰ Бессонов С.В. Архангельское. М., 1937. С. 204–205.

⁹¹ Бобров. Сад в Горенках и последние годы Сада Академии наук... С. 29.

⁹² См.: Некрасова. Горенский ботанический сад... С. 343–344.

действий Горенских ботаников [...] и распространении их посредством теснейшей связи с ботаниками всех стран света»⁹³. Предполагалось также издавать журнал. Однако вскоре после переезда Разумовского в Петербург в 1810 г. в связи назначением его министром общество соединилось с МОИП, и все ботанические материалы, готовые к печати, были изданы в «Трудах МОИП».

Сад просуществовал лишь до середины 20-х гг. XIX в. После смерти А.К. Разумовского коллекции уже не поддерживались в надлежащем состоянии. Часть растений, гербарий, библиотека были перевезены в Петербургский ботанический сад; некоторые экземпляры растений попали в сад Московского университета. Остальное было распродано частным лицам, в основном подмосковным помещикам. Так печально закончилась история одного из лучших и, по-видимому, крупнейшего частного ботанического сада. Вероятно, в этом трагическом итоге можно усмотреть некий момент «отмщения»: в 1811 г., будучи министром народного просвещения, Разумовский «испросил высочайшего решения» на продажу единственного тогда в России государственного ботанического сада, принадлежащего Академии наук, как требующего «больших издержек» и не приносящего «почти никакой пользы». Историки ботаники полагают, что причиной такого решения Разумовского мог служить его собственный сад: вложив колоссальные средства в свое увлечение, Разумовский весьма ревниво «относился к ботанической работе, с ним лично не связанной»⁹⁴.

Другой известный частный сад – Нескучный, принадлежавший видному промышленнику Прокопию Акинфиевичу Демидову, также по праву считался ботаническим. Демидовы – известный с петровских времен род горнозаводчиков и меценатов, получивших дворянский титул. В 1756 г. П.А. Демидов занялся устройством своей «подмосковной» в одном из самых красивых уголков поймы Москвы-реки. Разбитый по его указанию парк имел регулярную планировку. Более двух лет 700 демидовских крепостных выравнивали и забирали террасами неудобный холмистый берег. В результате территория была поделена на 6 террас-ступеней, спускающихся к реке. На средних находились каменные оранжереи, участки открытого грунта, ряды плодовых деревьев. Одна из террас представляла собой набор из шести прямоугольных боскетов с декоративными растениями. Там же имелся «карликовый сад», где росли искусственно созданные миниатюрные березы, ивы, сантолины, смородины, ракитники, курильский чай, розы, напоминавшие своими формами и размерами японские бонсаи.

Нескучный, как и Горенки, обязан своим существованием плодотворному союзу просвещенного патрона и ученых – академика П.С. Палласа и ботаника Г.В. Стеллера. Петер-Симон Паллас, прекрасно знавший флору России (в 1768–1774 гг. он проехал с экспедициями Императорской академии наук по средней полосе и от Поволжья до Южной Сибири⁹⁵), говоря о Нескучном в 1780 г., утверждал, что «сей сад не только не имеет себе подобного в России, но и со многими в других государствах славными ботаническими садами сравнен быть может, как редкостью, так и множеством содержащихся в оном растений»⁹⁶. В том же году Паллас подготовил и выпустил «Каталог растений... в саду... Демидова», где упомянуто более 2000 видов, в том числе более 300 – дикорастущих⁹⁷. Согласно более

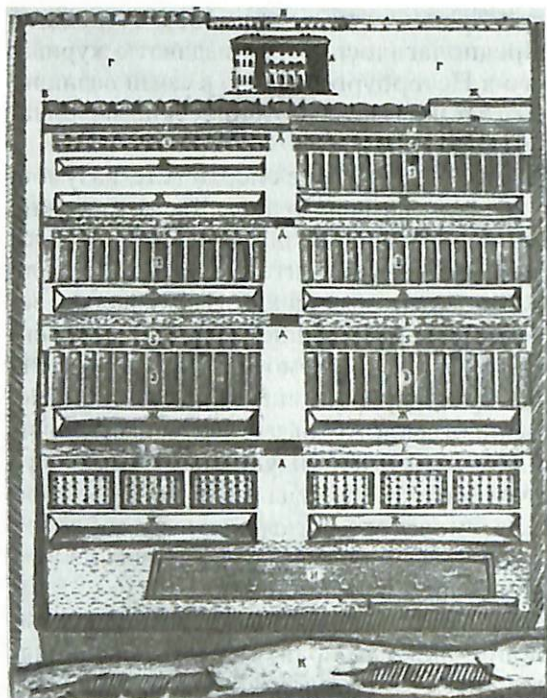
⁹³ Цит. по: Некрасова. Горенский ботанический сад... С. 344.

⁹⁴ Бобров. Сад в Горенках... С. 25–31. См. также: Горышина. Зеленый мир старого Петербурга... С. 255–256.

⁹⁵ Ефремов Ю.К. П.С. Паллас // Отечественные физико-географы и путешественники. М., 1959. С. 132–145.

⁹⁶ Цит. по: Александров Л.П., Некрасова В.Л. Нескучный сад и его растительность. М., 1923. С. 24.

⁹⁷ См.: Александров Л.П. Прошлое Нескучного сада. М., 1923.



Нескучное. План ботанического сада
П.А. Демидова. 1753 г.

позднему каталогу 1806 г. в саду имелось уже 4363 вида растений; среди них было немало сибирских, американских, индийских растений открытого и закрытого грунта⁹⁸. В Нескучном хранился собранный Палласом колоссальный гербарий декоративных и дикорастущих растений. Заметим, что Нескучный – не единственный опыт Демидова по устройству ботанического сада: в его имении под Соликамском на Урале также имелся замечательный ботанический сад, устроенный для патрона Г. Стеллером. В частности, там была заложена богатая коллекция сибирских растений. Известно, что К. Линней, интересовавшийся сибирской флорой, получал семена из Соликамска⁹⁹. Академик И.И. Лепехин, побывавший в уральском саду Демидова в 1771 г., перечислял 422 вида растений, в том числе пальму *Caryota urens*¹⁰⁰. Семья Демидовых привезла и распространила на Урале первое руководство для обучения крепостных художников и

архитекторов искусству создания сада – труд А. Замятина «Теория и практика или умение всего садовничества» 1753 г.¹⁰¹

Как и Горенки, Нескучный сад просуществовал до смерти своего владельца. В 1790-е гг. сад начал постепенно приходить в упадок. Часть растений перевезли в Московский аптекарский огород (с 1805 г. Ботанический сад Московского университета); гербарий, принадлежавший Палласу, был передан в Горенки; единичные растения прожили дольше века, и в первой половине XX в. специалисты еще находили две сосны Веймутова и вяз из демидовских посадок. В начале XIX в. Нескучный перешел к новому владельцу и был, согласно моде, перестроен в английском стиле. В середине века сад вместе с прилегающими владениями Трубецких и Голицыных приобрел Николай I, превратив Нескучное в царскую резиденцию, известную как Александровский дворец.

Среди других подмосковных ботанических садов – сад П.П. Трубецкого в селе Никольском. Сад был знаменит одной из крупнейших в Европе коллекцией пальм, которая насчитывала 282 вида принадлежащих к 63 родам¹⁰². На Всемирной выставке в Париже в 1857 г. экспонаты из Никольского получили большую золотую

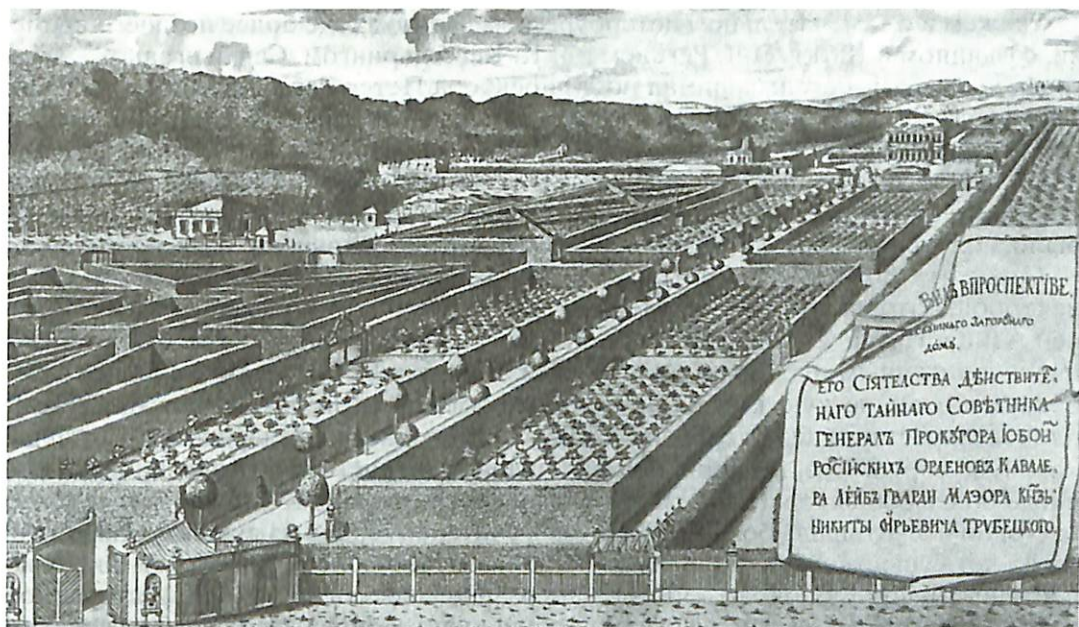
⁹⁸ Данные приводятся по: *Липищ С.Ю.* Систематика, флористика и география растений // *Очерки по истории русской ботаники.* М., 1947; См. также: *Головкин.* История интродукции растений... С. 71.

⁹⁹ См.: *Головкин.* История интродукции растений... С. 72.

¹⁰⁰ См.: *Сааков С.Г.* Пальмы и их культура в СССР. М.; Л., 1954.

¹⁰¹ См.: *Смирнова.* Вятские и пермские городские сады... С. 7.

¹⁰² См.: *Сааков.* Пальмы и их культура в СССР...



Нескучное. Перспективный вид усадьбы Н.Ю. Трубецкого

медаль¹⁰³. Главным садовником Трубецкого был ботаник К. Энке. Он занимался акклиматизационными экспериментами по увеличению зимостойкости южных пород, выращиваемых в открытом грунте. Под съёмными укрытиями в саду удачно зимовали теплолюбивые *Magnolia acuminata*, *M. gracilis*, *M. tripetala*, *Clethra alnifolia* и др.¹⁰⁴.

Более поздний пример – сад в Ольгине Можайского уезда, созданный в 1895 г. О.А. Федченко – одной из первых женщин – «профессиональных» ботаников в России. Ольга Александровна занималась интродукцией и акклиматизацией растений флоры Центральной Азии и Сибири; образцы она сама привозила из экспедиций. Сад существовал до 1921 г.; в его коллекциях насчитывалось до 1000 видов. Многие растения из Ольгино послужили типами для описания новых таксонов; так, впервые была начата культура *Eremurus olgae* и *E. lactiflorus*¹⁰⁵.

Среди петербургских садов следует упомянуть «дачный сад» купца М. Бландова, заложенный в 1789 г. Там было собрано немало экзотов, в том числе хлебное дерево *Artocarpus altitis*, а также *Cinnamomum cassia*, *Carica papaya*, *Phoridium tenax*, *Musa paradisiacal* и др. Специалисты, занимавшиеся устройством сада, вели активную переписку с лучшими мировыми ботаническими собраниями. В частности, в сад Бландова поступали растения из Англии, из знаменитого Кью¹⁰⁶.

¹⁰³ См.: Головкин. История интродукции растений... С. 74.

¹⁰⁴ См.: Энке К. Об акклиматизации растений в Никольском саду в 1856–1857 // Журнал садоводства. 1857. Т. 4.

¹⁰⁵ См.: Федченко Б.А. К биографии О.А. Федченко // Изв. Главного Ботанического сада РСФСР. 1924. Т. 23. Вып. 2. С. 5–7.

¹⁰⁶ См.: Ковалевский Г.В. Очерк сельскохозяйственных культур и интродукции их в СССР в XVIII веке // Изв. Гос. ин-та опытной агрономии. 1929. Т. 7. Вып. 6.

Скажем и о замечательном петербургском частном саде более позднего времени, созданном в 1861 г. Э.Л. Регелем и Я.К. Кессельрингом. Сад был заложен в те годы, когда Э.Л. Регель занимал пост директора Петербургского Ботанического сада и активно развивал там интродукционные работы, которые затем перенес в собственный сад. Регель и Кессельринг составляли коллекции, обмениваясь семенами со многими ботаническими центрами Западной Европы, Азии и Северной Америки. Через американскую посредническую фирму «Арнольд Арборетум» было получено более 80 видов и разновидностей боярышника из Америки от Ч. Саржента, 80 видов китайской флоры от Вильсона и т.д. Сад имел и своих коллекторов, которые собирали материал в разных уголках страны, а также в Средней Азии и Китае¹⁰⁷. Сад назывался помологическим, но никогда не был узкоспециализированным плодовым питомником. Регель и Кессельринг собрали полноценную ботаническую коллекцию: по данным 1909 г., в саду кроме 600 сортов плодовых растений было собрано 1200 видов декоративных деревьев и кустарников, 4900 сортов роз, несколько тысяч видов травянистых многолетников, в том числе более 300 видов и разновидностей папоротников¹⁰⁸. Коллекция альпийских растений насчитывала более 1000 видов и считалась одной из лучших в Европе¹⁰⁹. За 45 лет существования сада в нем было испытано более 1500 сортов плодовых и ягодных растений, около 4500 видов и разновидностей деревьев и кустарников, из них 300 хвойных¹¹⁰. Впервые в саду стали культивировать более 30 видов деревьев и кустарников, в том числе дальневосточной и китайской флоры. Среди размноженных и введенных в озеленение – такие виды, как *Padus maackii*, *Abies nephrolepis*, *Euonymus pauciflorus*, *Ribes maximoviczianum*, *R. ariculare*. В саду Регеля были введены в культуру более 80 видов многолетников российской флоры, в том числе *Lilium medeoloides*, *L. Cernuum*, *Jeffersonia dubia*, *Cypripedium macranthum*¹¹¹.

Многие усадьбы в провинции, особенно в Малороссии, на юге России и на Кавказе также стали собранием ботанических редкостей; их насаждения представляли флору Средиземноморья, Дальнего Востока, Северной и Южной Америки.

Несколько частных ботанических садов существовало на Кавказе. Самые известные – сады П.Е. Татаринова и А.Н. Введенского близ Сухуми. Сад Татаринова славился богатой коллекцией агав (около 40 видов), кактусов (в том числе 20 видов представителей рода *Mammillaria*), эвкалиптов (более 20 видов) и акаций (17 видов), а также многочисленными хвойными и бамбуками. В саду имелись весьма редкие *Agaucaria cunninghamii* и *A. excoisa*. Известно, что сам Татаринов привозил растения из экспедиций по Венесуэле. Коллекционный материал поступал к нему также из Никитского и Петербургского ботанических садов, Ботанического сада Московского университета, из Ботанических садов Германии, Италии, Бельгии¹¹². В саду Введенского впервые в культуру Черноморского побережья были введены пальмы *Butia capitata*, *Livistona Chinensis*, *Washingtonia filifera* и др.

¹⁰⁷ См.: Головкин. История интродукции растений... С. 85–86.

¹⁰⁸ См.: Коллекции Помологического сада д-ра Э.Л. Регеля и Я.К. Кессельринга в Санкт-Петербурге // Труды Бот. сада Юрьевского ун-та. 1910. Т. 11. Вып. 2.

¹⁰⁹ См.: Кичунов Н.И. Помологический сад д-ра Э.Л. Регеля и Я.К. Кессельринга в Петербурге // Прогрессивное садоводство и огородничество. СПб., 1906. Т. 3.

¹¹⁰ См.: Головкин. История интродукции растений... С. 85.

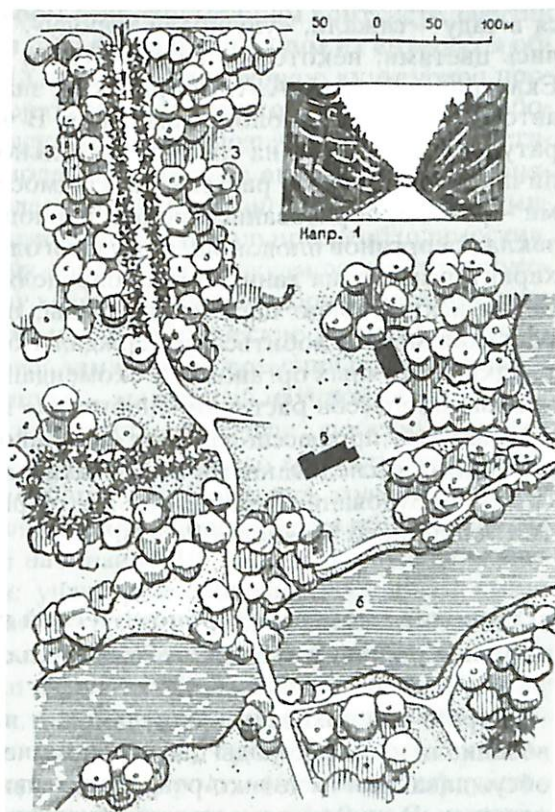
¹¹¹ См.: Коллекции Помологического сада д-ра Э.Л. Регеля и Я.К. Кессельринга... С. 36.

¹¹² См.: Кожин А.Е. К истории культуры субтропических растений в западном Закавказье // Материалы по истории земледелия в СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956.

Среди садов Малороссии упомянем прежде всего усадьбы К.Г. Разумовского, президента Императорской академии наук, гетмана Малороссии (и отца знаменитого «ботаниста») – Батурин на Черниговщине и Яготин на Полтавщине. Яготин представлял собой «грандиозный парк», раскинувшийся на 4 версты над рекой Супой. О. фон Гунн, посетивший парк в 1805 г., видел здесь «дубы, разные сосны, высокие ясени, дикий персик, разные роды тополей, дикие каштаны [...] волосистый орех, березы (которые на Украине редко где растут), виноградный сад»¹¹³. Многие растения были доставлены сюда из подмосковных Горенок.

Самый известный и оригинальный малороссийский сад – Софиевка в Умани, где среди уникальных искусственных ландшафтов «произрастало множество местных и чужеземных растений». Заложенный в конце XVIII в. в имении графа Ф. Потоцкого, сад был впоследствии передан Главному училищу садоводства¹¹⁴. Сейчас Софиевка имеет статус государственного дендрологического заповедника Украины. Другой знаменитый дендрологический парк – Тростянец в Харьковской губернии, создание которого началось в 1834 г. по указанию И.М. Скоропадского; в коллекции парка насчитывалось около 1500 видов деревьев и кустарников¹¹⁵.

Пожалуй, лишь немного преувеличивая, можно утверждать, что сад – практически синоним, родовой признак «дворянского гнезда». Сады сопровождали русское великосветское дворянство везде, где бы оно ни оказывалось – в старой или новой столицах, за Уралом или на Кавказе. В зависимости от интересов и пристрастий аристократов, их усадьбы могли стать и ландшафтными парками, и собраниями дендрологических редкостей, и настоящими ботаническими садами; объектом внимания становились прежде всего декоративные растения. Для работы с ними любитель, вельможа-патрон, нанимал специалистов – садовников, мастеров ландшафтного дела, профессоров ботаники. Некоторые усадьбы превращались в настоящие научные центры, где под патронажем любителей профессиональные ученые вели научную работу. Аристократы нередко и сами не прочь были повозить-



Тростянец. Ландшафтные композиции входной зоны дендрологического парка.

¹¹³ Фон Гунн О. Поверхностные замечания по дороге от Москвы к Малороссии осенью 1805 г.: В 2 ч. М., 1806. Ч. 2. С. 46.

¹¹⁴ См.: Вергунов, Горохов. Русские сады и парки... С. 274–310.

¹¹⁵ См.: Рубцов Л.И. Ландшафтная композиция и растительность Тростянецкого дендропарка // Труды Ботанического сада АН СССР. 1949. Т. 1.

ся в саду – сажали, «улучшали породу». Охотнее всего собственноручно занимались цветами; некоторые из любителей слыли признанными цветоводами. Внук Екатерины II, граф А.А. Бобринский, знаток тепличного разведения цветов, был автором работ по биологии цветения. В частности, он исследовал влияние температуры и влажности на сроки и длительность цветения. Бобринский отмечал цикличность в развитии растений и взаимосвязь между составляющими цикл этапами – ростом, образованием почек, периодом покоя, цветением. Он установил, что закладка органов плодоношения у многолетников происходит задолго до цветения; характер цветения данного года определяется условиями предшествующего. Подбирая искусственно параметры среды, на определенных этапах цикла развития растения можно добиться, утверждал Бобринский, оптимальных условий для закладки цветочных органов¹¹⁶. Рекомендации по регулированию ростовых и генеративных процессов растений «любителя» Бобринского пользовались заслуженным вниманием у профессиональных ботаников. Остается добавить, что наряду с ботаническими исследованиями Бобринский занимался усовершенствованием технического оборудования теплиц; итоги этой работы сыграли позитивную роль в развитии тепличного хозяйства России¹¹⁷.

«Одинокие пионеры» агрономической науки: полевые опыты и усадебное «писательство»

Порою у великосветских вельмож и провинциальных мелкопоместных дворян возникали и иные поводы для агрономического экспериментирования, помимо уже обсуждавшихся эстетико-репрезентативных, увеселительных и научно-познавательных. В любом поместье декоративный сад непременно соседствовал с плодовым; забавы с цветами – с заботами о грядках и хлебных полях. Д.С. Лихачев замечает в связи с этим, что русские усадебные сады «требовали некоторой утилитарности», подкрепив свои слова словами А.А. Блока: «...Сад без грядок – французский парк, а не русский сад, в котором непременно соединяются всегда приятное с полезным и красивое с некрасивым»¹¹⁸.

В данном разделе речь пойдет о прагматическом «радении о процветании хозяйства» и связанным с этой задачей научным агрономическим экспериментированием. Здесь агрономия предстает в своем базовом значении – как наука о полеводстве, в рамках которой главными проблемами были севообороты, травосеяние, удобрения и т.д.

Тех, кто не ограничивался разведением садов и занимался полевыми опытами, немного. Поэтому мы говорим об «одиноких пионерах»¹²⁰ агрономии XVIII – начала XIX вв. Случаи «пионерства» особенно интересны, если вспомнить о значительном отставании российской сельскохозяйственной науки от западноевропейской.

¹¹⁶ Бобринский А.А. О цветении растений // Записки Лебедянского общества сельского хозяйства за 1851 год. М., 1852. С. 35–39.

¹¹⁷ См.: Бердышев А.П. От дикорастущих растений до культурной флоры. М.: Наука, 1984. С. 54.

¹¹⁸ Лихачев. «Темные аллеи» русских усадебных садов // Поэзия садов... С. 354.

¹²⁰ Этот термин принадлежит М. Флоркену, который, разумеется, употребил его в ином контексте – описывая первопроходцев британской биохимии, известных аристократов, как правило, энциклопедически образованных любителей. Мы сочли уместным перенести это словосочетание на российскую почву, применив его для характеристики таких же любителей из числа отечественных дворян. См.: Florkin, M. A History of Biochemistry. P. II. From profo-biochemistry to biochemistry. Amsterdam; New-York: Elsevier, 1972.

Необходимо специально сказать об особом социокультурном контексте занятий «пионеров-агрономов». Мы уже отмечали, что наука была одним из интересов образованного дворянина XVIII – начала XIX вв., составляя единое культурное пространство с искусством, философией, литературой, экономикой. Поэтому и в заботах о полях, кроме явной утилитарной присутствовали и познавательная, и эстетическая, и увеселительная компоненты; «полезные» ученые агрономические занятия становились одним из усадебных развлечений. О.С. Евангулова, говоря о «мире усадьбы», отмечает взаимосвязь «практической и моральной необходимости», «нужды, игры и развлечения» в мотивациях обращения к наукам российских помещиков. Поставленное на передовую основу хозяйство удовлетворяло не только насущные потребности, но и духовные, в том числе эстетические запросы. «Потраченное на науку время сулит удовольствие: заманчивое времяпрепровождение в наблюдениях и разгадках, ощущение сюрприза – маленькой научной сенсации [...] Выведение красивого цветка, плода или животного знаменуют победный финал научного творчества и повод к радости». При этом соседство хозяйственных и художественных занятий не коробит современников: «...Напротив, грамотное ведение хозяйства и использование прогрессивной техники поощряется общественным мнением не меньше, чем художественное начинание»¹²¹. Близость «нужды и развлечения» отмечали и непосредственные участники событий: по словам князя П.П. Трубецкого, агрономические новации считались в России помещичьими затеями, вроде охоты, домашнего театра или конюшни беговых лошадей¹²².

Если же говорить о характере агрономических научных занятий конца XVIII в., то, как и в других областях естествознания, они были преимущественно «наблюдениями и описаниями», иногда – простейшими опытами; программные исследования, эксперименты с обязательными повторами и контролем еще только оформлялись. Тем не менее все сделанное непременно тщательно записывали, причем нередко уклоняясь в сторону беллетристики. Научный труд смыкался с «писательством»; «агроном» оказывался «писателем». Литературоведы отмечают, что в те годы расцвел жанр научной прозы. Искусство и наука взаимно проникали друг в друга: научное знание, обращенное к исследованию природы, эстетизируется, а художественная деятельность требует ее осмысления¹²³. Некоторые из героев предлагаемых сюжетов – агроном-любитель А.Т. Болотов, профессор М.Г. Павлов – были людьми в том числе «литературно-философических занятий» (Болотов считал себя «экономическим писателем»; Павлов издавал литературный журнал). Отголоски этой традиции слышны и в XIX в.; агрономия и философия, агрономия и литература соединились в жизни таких разных людей, как славянофил А.И. Кочелев, поэт А.А. Фет, народник А.Н. Энгельгардт, химик Д.И. Менделеев. Профессионализм и любительство тесно переплелись в их деятельности. Одни были профессиональными учеными, минуты досуга посвящавшими литературе. Другие – литераторами, обратившими свой взор на сельское хозяйство. Так складывалась удивительная плеяда помещиков, увлечением (а иногда и профессиональным занятием) которых становилась агрономическая наука – от садоводства до зарождающейся агрохимии и агрономическое писательство – от дневниковых наблюдений до научно-философских трудов и экономических записок.

¹²¹ Евангулова. Художественная «вселенная» русской усадьбы... С. 71–91.

¹²² Цит. по: Агрономическая помощь в России. М., 1914. С. 216.

¹²³ Кочеткова Н.Д. Литература русского сентиментализма. (Эстетические и художественные изыскания.) СПб., 1994.

Андрей Тимофеевич Болотов (1738–1833), тульский помещик из обедневшего дворянского рода – один из самых ярких примеров любительства в агрономии. Случай Болотова интересен еще и потому, что демонстрирует зыбкость границы между просвещенным дилетантизмом и профессионализмом в науке конца XVIII – начала XIX вв.: за Болотовым, не имевшим специального образования, тем не менее прочно закрепилось имя «основателя русской агрономии».

Перу Болотова принадлежат исторические записки, литературоведческие и философские произведения; велико его агрономическое наследие. О Болотове написано достаточно много – им интересовались и историки, и писатели; научная деятельность его сегодня также активно изучается. Отношение к Болотову было далеко не однозначным. Общим было признание его многообразных дарований, созидательной энергии и работоспособности. Вместе с тем такие разные писатели, как А.А. Блок и В.Б. Шкловский весьма скептически отзывались о Болотове, не причисляя его к особо выдающимся личностям¹²⁴. Различались и оценки историков науки: некоторые чуть ли не всю современную агрономию выводили из трудов «основателя»¹²⁵, другие же либо вовсе не замечали Болотова, либо отводили ему скромное место в агрономии¹²⁶. Неоднозначно трактовали и мотивы, которые побуждали Болотова к занятиям агрономией. Здесь неизбежно возникала тема Болотова-помещика и «повседневного быта» дворянина. Так, существуют работы, в которых Болотов причислялся чуть ли не к крепостникам, то бывавшим от скуки крестьян, то развлекавшимся садоводством¹²⁷. Эта точка зрения вызывала дружное осуждение у тех, кто полагал, что Болотову вообще не свойственны «родовые грехи» дворянства¹²⁸.

Противоречивые мнения историков и литераторов важны для нас потому, что косвенным образом подтверждают: Болотов – особая, знаковая фигура, человек разнообразных интересов. А если это так, то важно лишь то, что наряду с литературой и философией он действительно занимался агрономией – причем с большим размахом. При этом происхождение Болотова имело решающее значение: дворянин, помещик, отставной военный, в агрономических занятиях Болотов использовал сословные привилегии (наличие усадьбы и крепостных), культурные традиции

¹²⁴ Ср.: Блок А. А. Болотов и Новиков // Собр. Соч. Л., 1934. Т. 11. С. 7–80; Шкловский В.Б. Краткая и достоверная повесть о дворянине Болотове // Красная новь. 1928. № 12. С. 97–174. Блок намекал на некоторую «умственную ограниченность» Болотова, замечая: «Если душе его (Болотова. – О.Е.) как нельзя более отвечала тихая мирная жизнь – то уму вполне соответствовало то неглубокое мировоззрение, которое он почерпнул у второстепенных немецких философов» (с. 31) (Блок имеет в виду Крузия и Зюльцера. – О.Е.). Шкловский полагал, что Болотов занимался лишь «увеселительными» делами. При этом и Блок, и Шкловский судили о личности Болотова в целом, оценивая не только литературно-критическую и философскую деятельность Болотова, но и его практические начинания.

¹²⁵ См., например: Новиков С.М. Болотов. М.: Советская Россия, 1983.

¹²⁶ См., например: Volin, L. A century of Russian agriculture. Cambridge, 1970.

¹²⁷ Дело в том, что Андрей Тимофеевич, как и другие помещики, имел своих крестьян и неизбежно был вовлечен в отношения «крепостник – крепостной», с куплей-продажей и наказаниями крестьян, в том числе и телесными. Об этом, в частности, пишет историк В.И. Недосекин. См.: Очерки истории Воронежского края. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та. 1961. Т. 1. С. 139. Действительно, наряду с занятиями агрономией, Болотов «порол крестьян» (что вполне соответствовало духу и традициям дворянства того времени). О проворовавшихся, которые его «раздосадовали и вздурили», о нравственных терзаниях в связи с этим и о неизбежности «жесточайшего истязания» воров говорит сам Болотов в своем жизнеописании. См.: Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова... С. 618–619. Шкловский полагает, что занятия садоводством стали праздным развлечением, спасением от скуки, в духе «барских затей» и «фокусов». См.: Шкловский. Краткая и достоверная повесть... С. 179.

¹²⁸ См., например: Бердышев А.П. Андрей Тимофеевич Болотов – выдающийся деятель науки и техники. М.: Наука, 1988; о «дворянской морали» см. с. 11.

своего круга (знание языков и членство в научных обществах), опыт офицера (мобильность и широкие связи). Во времена Болотова только помещный дворянин мог удовлетворить свои научные интересы так всеобъемлюще – и на полях собственной усадьбы, и на страницах собственного журнала. В этом смысле Болотов – своего рода архетип российского частного патрона агрономической науки. Яркий ученый-универсал, автор агрономических теорий, архитектурных проектов, литературной критики и исторических записок, он одновременно оставил заметный след во многих областях практической агрономии. Именно здесь его деятельность приобретает оттенок патронажа: он использует для опытных полей собственное поместье; нанимает рабочих и садовников для постановки необходимых экспериментов; издает, в том числе и на свои средства, специализированные журналы¹²⁹.

По семейной традиции Андрей Болотов с юных лет был отдан на военную службу, участвовал в семилетней войне 1756–1763 гг., служил переводчиком при русском военном губернаторе в отвоеванной Пруссии. Служба такого рода позволяла много читать и изучать европейские естественно-научные труды, которые пробуждали интерес к наукам; в Кенигсберге начала формироваться обширная библиотека Болотова. Закончив военную карьеру, Болотов вернулся в родовое имение Дворяниново Кашинского уезда Тульской губернии, где целиком погрузился в усовершенствование сельского хозяйства и занятие сопутствующими науками¹³⁰.

Начал Болотов вполне традиционно, как и подобало дворянину-помещику – с разведения садов. Выписывал семена со всех концов России и из-за границы, охотно принимал растительные диковинки от знакомых. Со временем в садах его усадьбы можно было обнаружить многие десятки видов и сортов растений; по словам самого Болотова, сады изобиловали всевозможными декоративными и фруктовыми деревьями, цветами. Болотову принадлежит описание 60 самых распространенных многолетних и однолетних цветковых растений открытого грунта. Это своего рода руководство по цветоводству, где для каждого растения коротко указаны особенности вегетации, цветения, размножения и пр., или, в терминологии Болотова, «краткие замечания о разных натурах и свойствах вышеупомянутых 60 разных родов и о тех обстоятельствах, которые в рассуждении их наиболее заводящему цветнику знать надобно»¹³¹. Однако дело не ограничилось разведением цветов: Болотов «ставил различные опыты», особенно любил экспериментировать с гвоздиками и тюльпанами. Он проводил скрещивания, добиваясь удивительных цветовых сочетаний в гибридах, долгие годы бережно растил и отбирал луковицы, получая новые «сорта»¹³². О результатах писал: «...Дожидался, правда, их целые пять лет. Но зато имел удовольствие видеть не только превеликое множество у себя тюльпанов, но и действительно происходившие от них многие новые и совсем оригинальные роды»¹³³. В плодовом саду он устроил опытный питомник, где акклиматизировал, прививал, скрещивал. Разумеется, Болотов не мог бы справиться с такой многотрудной работой в одиночку: на расчистку территории и за-

¹²⁹ В социологии науки такая деятельность получила название «самопатронажа ученых»; мы будем в дальнейшем называть это личной инициативой частных патронов.

¹³⁰ См.: *Бердышев А.П.* Андрей Тимофеевич Болотов – основоположник русской сельскохозяйственной науки. М.: Агропромиздат, 1988.

¹³¹ *Болотов А.Т.* Общие замечания о цветах // Избранные сочинения по агрономии, плодоводству, лесоводству, ботанике. М.: Изд-во МЛИП, 1952. С. 412.

¹³² См.: *Болотов А.Т.* О разведении тюльпанов (Чем помочь, чтобы тюльпаны родились разноцветными) // Избр. соч... С. 407–409; *Болотов А.Т.* Об оплодотворении гвоздик через искусство // Избр. соч... С. 405–406.

¹³³ *Болотов А.Т.* Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. СПб. В 4 т. 1871–1873. Т. II. 1872. С. 764–765.

кладку садов и питомников он «принужден был согнать всех ближних своих крестьян и крестьянок»¹³⁴. Некоторые из болотовских крестьян стали его постоянными помощниками; кто-то оказался талантливым садовником. Так, с особой теплотой Болотов вспоминает о Сергее Косове, отмечая «заботливость, замысловатость и трудолюбие» сметливого и преданного делу простого крестьянина, превратившегося в умелого садовника. «И я могу сказать, что все прежние сады мои разными насаждениями своими и всем образованием своим обязаны этому человеку. Его рука садила все старинные деревья и воспитывала, и обрезывала их, и его ум обработал многие в них места...»¹³⁵.

Любимой садовой культурой Болотова была яблоня; с ней он работал не один десяток лет; ему удалось получить не один оригинальный сорт. Болотов проявил себя как тонкий исследователь, обнаружив ряд особенностей биологии яблони. Так, он наблюдал изменчивость сеянцев яблони, полученных из семян одного дерева (сорт «украинская плоскогузая зеленка»). Из 100 растений лишь два походили на материнское; остальные отличались по многим признакам, как морфологическим, так и хозяйственным¹³⁶. Сообщение об этом было сделано в 1778 г.¹³⁷. Причину подобной изменчивости Болотов связывал с верно подмеченным явлением дихогамии¹³⁸ и перекрестным опылением насекомыми¹³⁹.

Садовые работы позволили Болотову предложить первую в России схему организации плодоводства. В серии статей, опубликованной в 1779–1781 гг. («Продолжения разговора о садовом заводе» и др.), Болотов представил подробное – в деталях и по сезонам – описание шагов по устройству плодового сада с питомником. Он предлагал «весь свой завод разделить на шесть отделений». Первое – для посева «почек, костей и семян»; второе – «под посадку черенков» и пр.; третье и четвертое – для рассадки сеянцев и саженцев кустарников и плодовых деревьев; последние два – «под одни яблоньки», причем в пятом можно было проводить прививки, а в шестом – выращивать удачные экземпляры, «кои, будучи сами собою хороши, могут и без прививок оставлены»¹⁴⁰.

Садовые наблюдения Болотова нашли отражение в семи рукописных томах описаний сортов русских яблонь и груш, дополненных акварельными рисунками автора, составившими три тома. Считается, что этот труд – первая система научной помологии. «В глухом уголке России, в деревне одного из малоизвестных уездов Тульской губернии, жил в конце прошедшего (XVIII) столетия человек, который мог бы называться отцом научной помологии, и начертал свою собственную систему сортов яблонь и груш в то время, когда систем еще не существовало в остальной Европе», – писал о Болотове в 1861 г. А.К. Грелль, редактор журнала «Садоводство», предваривший этими словами публикацию труда Болотова под заглавием «Материалы для русской помологии»¹⁴¹.

¹³⁴ Болотов. Жизнь и приключения Андрея Болотова... С. 490.

¹³⁵ Болотов А.Т. Записки Андрея Тимофеевича Болотова. 1737–1796. Тула: Приокское книжное издательство, 1988. Т. I. С. 419.

¹³⁶ См.: Болотов А.Т. Опыт над яблочными семенами // Избр. труды... С. 357–361.

¹³⁷ Болотов А.Т. О посеве яблочных семян // Избр. Труды... С. 352–357.

¹³⁸ О работах Болотова в этом направлении см.: Поляков И.М. История открытия дихогамии и роль русских ученых в этом открытии // Успехи современной биологии. 1950. № 5.

¹³⁹ См.: Болотов. Опыт над яблочными семенами... С. 361.

¹⁴⁰ Болотов А.Т. О порядке завода садового и о состоянии, в каком ему при начале четвертого года быть надобно // Избр. соч... С. 177–180.

¹⁴¹ См.: Поляков И.М., Бердышев А.П. А. Т. Болотов и его труды в области сельскохозяйственной и биологической науки // Избр. соч... С. 425–474.

Помимо садоводства, Болотов сумел охватить чуть ли не все главные вопросы полеводства того времени. В том числе особо актуальные для России: обоснование необходимости и детализация структуры сложных севооборотов (труд теоретического характера, так и не завершённый экспериментально); разработка вопросов удобрения полей; предложения по агротехнике сева хлебных злаков. Проблема недоборов хлеба была одной из острейших в российском сельском хозяйстве; решить ее научно представлялось главным для агрономии. Именно с этой целью Болотов начал свои агротехнические опыты по влиянию глубины вспашки на рост, развитие и урожайность озимой ржи и других культур¹⁴². Опуская расчеты и детали проведенных экспериментов, приведем заключение, сделанное Болотовым: участки с предварительной вспашкой и неглубокой (3–5 см) заделкой семян дают значительно больший урожай. Эта техника сева использовалась Болотовым в дальнейшей практике полевых работ. В данном цикле исследований были предприняты первые попытки проведения опытов с контролем¹⁴³.

Болотов высказал новаторские взгляды в области агрохимии – по поводу удобрения полей и питания растений. Он рекомендовал многие способы удобрения пашни: запускание земель в перелог, мергелирование, удобрение прудовым илом, тиной, «болотными кочками», золою, известью, «гноенным древесным листом» и пр¹⁴⁴. И все-таки главным видом удобрения Болотов считал навоз, вслед за неназванными им «испытателями» предполагая в качестве его действующего начала минеральные соли. По словам Болотова, из опытов этих «прилежных [...] испытателей» оказалось, что в навозе «находится некоторого рода соль, принадлежащая к тем солям, которые алкалическими называют, и [...] сия соль всему хлебородию наглавнейшею причиною и находится наиболее в урине, или моче скотской»¹⁴⁵. Острый дефицит навоза – следствие значительного превышения объема пашни над количеством скота. Как полагал Болотов, несоблюдение должной пропорции между скотоводством и хлебопашеством – главная проблема российского сельского хозяйства. Второй момент – неправильные сбор и хранение (потеря навозной жижи и недостаток подстилки), которые приводят к утрате удобрительных свойств. «Не видим ли мы, со сколь различным успехом произрастания растут на доброй и худой земле и во время доброй и худой погоды? Что иное сие значит, как только то, что, в рассуждении земли, одна земля имеет в себе более таких частиц, из которых произрастание составляется, или которые росту его поспешествуют...». Что касается вопроса о природе питательных веществ, согласно Болотову, «видим мы, что все произрастания состоят наиболее из вещей, принадлежащих к царству минералов». (Правда, рядом с этими рассуждениями – вполне натурфилософские пассажи о том, что «произрастание не иное что есть, как махины, состоящие из чудного и непостижимого сплетения и сложения разных твердых к земле принадлежащих и многих других вещей, а именно разных стихий, то есть огня, воздуха и воды»¹⁴⁶.) Таким образом вопреки распространенной в то время теории водного питания растений Я. Вант-Гельмонта, Болотов предполагал почвенное происхождение питательных веществ, усваиваемых растениями. Некоторые историки на основании приведенных рассуждений Болотова считают, что он – основоположник представлений о минеральном питании растений и наличии минеральных веществ в почве как усло-

¹⁴² См.: Болотов А.Т. О несоответствии урожая посеянному семенам // Избр. труды... С. 168–186.

¹⁴³ См. примечание 87 в книге: Болотов А.Т. Избр. труды... С. 228.

¹⁴⁴ Болотов А.Т. Об удобрении земель // Избр. соч... С. 38–55.

¹⁴⁵ Болотов. Об удобрении земель... С. 42.

¹⁴⁶ Там же. С. 39–40.

вии ее плодородия. Вероятно, в российском дискурсе он действительно оказался пионером описания солей, «которые алкалическими называют» и являются «хлебобородию наиглавнейшею причиною». Хотя, справедливости ради, надо вспомнить «прилежных испытателей», упомянутых Болотовым в рассуждениях о минеральном происхождении питательных веществ. Как бы то ни было, трудно говорить о приоритетах такого рода применительно ко времени, когда заключения делались скорее умозрительно, тонкого химического анализа почв и растений не проводилось¹⁴⁷.

Среди других работ Болотова – предложения по улучшению лугов (в частности – посевами клевера на истощенной почве); разработка методов истребления сорняков; описание двух видов головицы у пшеницы; сбор обширного гербария дикорастущей флоры с классификацией по К. Линнею; обобщение сведений по лекарственным растениям в энциклопедическом труде, и пр. и пр.¹⁴⁸.

Трудно выделить какой-либо главный мотив, заставлявший Болотова наблюдать, сажать и экспериментировать. Он наслаждался красотой садов, как праздный помещик: «С каким неописанным удовольствием провождал я многие часы и целые дни в садах своих, и сколь разнообразные и всегда меня занимающие приятные упражнения находил я для себя в оных!». С другой стороны, он стремился рационализировать усадебное хозяйство, «не хотя вести домоводство своего так слепо и с таким небрежением, как ведут его многие, а желая основать оное колько можно порядочнее и лучше». Наконец изучение западноевропейского научного опыта, ученые книги вообще «преподавали [...] также многие поводы к чистым непорочнейшим забавам и утехам [...] При помощи их вел я тогда жизнь прямо философическую, и большую часть времени своего посвящал им и науке сельского домоводства»¹⁴⁹. Собственные научные увлечения подогревались общим оживлением интереса к сельскому хозяйству в стране. В 1768 г. Болотов вступил в недавно основанное Императорское Вольное экономическое общество (ИВЭО, ВЭО), о котором узнал с «превеликим любопытством», «вспрыгался [...] почти от радости»¹⁵⁰. Объявляя свое активное участие в работе общества, Болотов писал: «...И удовольствие мое усугубилось еще больше, когда увидел я, что и у нас, по примеру иностранных, приглашались к сообщению обществу экономических своих замечаний все живущие в деревнях дворяне». Именно в связи со вступлением в ВЭО Болотов замечал, что «охота к сельской экономии увеличилась вдвое»¹⁵¹. Размышляя о своих ученых занятиях, Болотов делает важное признание о предполагаемом жизненном предназначении: «Я власно как предчувствовал, что судьба предназначила меня быть со временем *знаменитым экономическим писателем* (выделено мной. – О.Е.) [...] начал не только входить во все части сельской экономии [...] и предпринимать много различные опыты, но и все узнаваемое и примечаемое записывать для себя в особую книжку»¹⁵². «Экономическое писательство», безусловно, требовало более серьезного отношения к экспериментам и их документированию.

¹⁴⁷ Если речь шла о «химическом составе» почвы, то имелось в виду содержание глины, песка, извести и гумуса; «зольные вещества» растений считали результатом их сгорания, добавления «стихии огня».

¹⁴⁸ См. об этих работах: *Бердышев*. Андрей Тимофеевич Болотов – основоположник русской сельскохозяйственной науки...

¹⁴⁹ *Болотов*. Жизнь и приключения Андрея Болотова... С. 488–493.

¹⁵⁰ Там же. С. 509. В дальнейшем Болотов стал почетным членом (1820) и активным участником открывшегося в 1818 г. Московского Императорского общества сельского хозяйства (МИОСХ, МОСХ).

¹⁵¹ Там же. С. 509.

¹⁵² Там же. С. 511.

Большинство опытов и наблюдений Болотов проводил на участках, выделенных из его усадебных земель в Дворянинове¹⁵³. Полезной для агрономических занятий оказалась и деятельность в качестве «управителя собственными ея величества» Княжеской (Московская губ.) и Богородицкой (Тульская губ.) волостями, приобретенными Екатериной II в 1760-е гг. В частности, в Княжеске Болотов начал эксперименты с семипольным севооборотом, которые не удалось закончить из-за перевода в Богородицк. Земли в Тульском наместничестве предназначались для создания летней резиденции самой императрицы и графа А.Г. Бобринского (побочного сына Екатерины). В 1783 г. Болотову поручено проектирование дворцового парка, которое тот осуществлял, «советуясь с натурой», в «натуральном» стиле: «в парках он трудился как мастер-ландшафтник, художественно преобразующий природу, и как агроном – плодород, дендролог»¹⁵⁴. Парк, раскинувшийся на территории 100 гектаров, поража́л посетителей оригинальностью и единством композиции. Заказчица, вероятно, также осталась довольна: в письмах к Вольтеру Екатерина ссылалась на Богородицкий парк как на доказательство преимуществ свободной планировки перед регулярной¹⁵⁵.

Находясь на службе в Богородицке и получая изрядное жалованье, Болотов начал выпуск одного из первых русских частных сельскохозяйственных изданий – журнала «Сельский житель». В 1778–1779 гг. вышли две части журнала, где были опубликованы, в том числе, работы Болотова «О разведении садов», «Об улучшении лугов», «О посеве яблочных семян», «О разведении тюльпанов» и др. В конце 1779 г. Болотов получил предложение от издателя «Московских ведомостей» Н.И. Новикова выпускать такого же рода журнал, но в качестве приложения к газете. И с 1780 г. Болотов при поддержке Новикова начал печатать «Экономический магазин». За 10 лет вышло 40 томов, в которых были опубликованы многие материалы Болотова.

Истоки болотовских занятий агрономией, несомненно, лежат в сословных традициях, заставлявших дворян «бежать от скуки» в свои сады. В этом отношении Болотов – наследник аристократической линии «культы» и культивирования садов. Однако феномен Болотова состоит в том, что он перешагнул за «поэзию садов», – проявилась незаурядная личность первопроходца, осознавшего важность науки в совершенствовании сельского хозяйства и потому занявшегося агрономией – на опытном участке и с пером в руке.

Другой «пионер агрономии» – Матвей Иванович Афонин (1739–1810), профессор Московского университета, который в 1770-е гг. в традиционный курс «натуральной истории» впервые включил лекции по «земледелию» – причем не на латыни, а на русском языке. В 1760-е гг. выпускником университета Афонин направлен в Упсалу, к знаменитому К. Линнею. Химию и минералогию ему читали не менее известные шведы – Ю.Х. Валериус и А. Тидстрем. Вернувшись в Россию, Афонин сначала читал курс в Московском университете, а с 1779 г. – в Горном училище в Петербурге. Вскоре Афонин по рекомендации врачей оставил преподавание и поселился в Екатеринославской губернии, где по предложению князя Г.А. Потемкина занял должность директора экономии. В 1788 г. он ушел в отставку и переехал в имение под Николаевым. Со временем Афонин сделал свое имение образцо-

¹⁵³ Строго говоря, это были не всегда классические опыты с многократным повторением и контролем, а скорее интуитивные заключения талантливого наблюдателя, сделанные после одной-двух проб.

¹⁵⁴ Любченко О.Н. Есть в Богородицке парк... Тула, 1984. С. 33–34.

¹⁵⁵ См.: Макаров В. Андрей Болотов и садовое искусство в России XVIII века // Среди коллекционеров. 1924. № 5–6. С. 26–32; Вергунов, Горохов. Вертоград... С. 222–226.



*Богородицкий парк. Рисунок А.Т. Болотова из альбома
«Виды имени Бобринского». 1788 г.*

вым. Здесь он заложил опытные участки и начал эксперименты, продиктованные представлениями о гумусе – плодородной основе чернозема. Эта тема интересовала Афонина на протяжении многих лет; в частности, он экспериментально изучил и рекомендовал для широкого использования способы восстановления гумуса – осеннюю вспашку («когда уже хлеб сжат и убран, должно его несколько раз поднимать и таким образом освобождать [...] от вредных трав [...] кои истощают его силу»), борьбу с водной эрозией, вымывающей питательные вещества («чтоб оставлены были частые водные борозды») и др.¹⁵⁶ Афонин призывал также проводить почвенные исследования и составлять карты всех земель по губерниям и уездам («собирать не только черноземы, но и другие земли и располагать их на свои роды и виды и хранить оные [...] с запиской их свойств, названия [...] и самого поля»). Вскоре Афонин познакомился с академиком П.С. Палласом, который в 1793–1794 гг. проживал в имении под Судаком и занимался обследованием южных губерний «в естественно-историческом отношении». Усадебные занятия агрономией сблизили Палласа и Афонина. В частности, оба занимались традиционным для черноморских губерний разведением виноградной лозы; Паллас написал ряд статей по агротехнике винограда. Вскоре крымское имение Палласа было продано; ученый вернулся в Германию. Собранные коллекции крымской флоры перешли к Афонину и, по некоторым данным, вместе с образцами из его опытных питомников послужили основой для коллекций Таврического (Никитского) ботанического сада.

Скажем и о знаменитом профессоре Михаиле Григорьевиче Павлове (1793–1840), который почти совсем неизвестен как агроном-практик. Павлов начал образование в Медико-хирургической академии в Москве, затем окончил физико-

¹⁵⁶ Афонин М.И. Слово о пользе, знании, собирании и расположении чернозему, особливо в хлебопашестве. М., 1771.

математическое и медицинское отделения Московского университета. Для «усовершенствования в естественной истории и сельском домоводстве» он был направлен в Германию, где в 1818–1820 гг. обучался в Сельскохозяйственной академии в Меглине у Альбрехта Тэера – автора гумусовой теории питания растений и широко известного труда «Основы рационального сельского хозяйства». После возвращения в Россию в 1821 г. Павлов начал читать курс естественной истории в Московском университете; о Павлове – лекторе оставил воспоминания А.И. Герцен¹⁵⁷. Главная идея Павлова – «сельскому хозяйству надо учить, как науке»¹⁵⁸. «Все в сельском хозяйстве есть извлечение из случаев частных, из производств особенных, из обстоятельств местных. Разум, исследуя частности, особенности местности, дивною силою отвлечения превращает их в понятия или сведения [...] которыми все стяженное им таким образом связывается в стройное целое, образуя систему ведения – науку...»¹⁵⁹.

При содействии Н.Н. Муравьева и Д.М. Полторацкого в 1822 г. при Московском обществе сельского хозяйства была открыта земледельческая школа. Ее первым директором стал Павлов; здесь началась его работа «на земле», поскольку, наряду с научностью сельского хозяйства, он настаивал на том, что «сельское хозяйство сознательное (рациональное), предпринимаемое с разумением дела, начинается с опытов»¹⁶⁰. В селе Бутырском организовали опытный хутор, где проводились практические занятия с учениками. Главным предметом Павлов сделал сравнительное изучение различных севооборотов. Эта тема стала одной из важнейших: Павлов слыл убежденным сторонником скорейшей модернизации полеводства в России на основе плодосмена и в своих работах убедительно доказывал необходимость отказа от трехполья¹⁶¹. Не менее важны представления Павлова о научном, «рациональном» сельском хозяйстве, сложившиеся не без влияния Тэера. «Кто без сведений о природе хочет быть агрономом, тот только агроман [...] Хозяйство простолюдина, будучи основано на слепом подражании предшественникам, неподвижно; оно целые столетия остается в одном положении; хозяйство агронома, напротив, с течением времени [...] постоянно изменяется...»¹⁶².

Отойдя от заведования Бутырским хутором, Павлов «не мог отрешиться от сродной ему практической деятельности» и открыл на собственные средства земледельческое училище, в которое принимал крестьянских детей «учиться современному сельскому хозяйству, примененному к Русскому быту и местным потребностям»¹⁶³.

Как и его предшественники, Павлов был универсально образованным человеком с широким кругом интересов: литература занимала его не меньше, чем агрономия. Мы уже отмечали связь агрономических и литературных занятий в трудах Болотова: Павлов – продолжатель традиции. Он основал и издавал на собственные средства литературный журнал «Атеней» (1828–1830), в котором публиковались Ф.И. Тютчев, Е.А. Баратынский, Н.В. Станкевич, Н.И. Надеждин и др. В качестве

¹⁵⁷ Герцен А.И. Былое и думы. 1852–1868 // Собр. соч. М., 1956. Т. VIII. Ч. I–III. С. 348.

¹⁵⁸ Павлов М.Г. Курс сельского хозяйства: В 5 т. Т. I. М., 1837. С. 5.

¹⁵⁹ Павлов М.Г. Современное сельское хозяйство // Русский земледелец. 1838. № 2. С. 133.

¹⁶⁰ Там же. С. 134.

¹⁶¹ См.: Павлов М.Г. О пользе и необходимости водворения в России плодопеременного полеводства. 2-е изд. СПб., 1836; Павлов М.Г. Взгляд на современное состояние хлебопашества в России // Русский земледелец. 1838. № 1. С. 3.

¹⁶² Павлов. Современное сельское хозяйство... С. 134.

¹⁶³ Цит. по: Качинский Н.А. Михаил Григорьевич Павлов // Люди русской науки. М., 1963. С. 696.

приложения к журналу выходили «Записки для сельских хозяев, заводчиков и фабрикантов» с практическими комментариями о современных приемах ведения сельского хозяйства. Павлов выпускал также специальный агрономический журнал «Русский земледелец» (1838–1839); там, в частности, были напечатаны многие из его собственных трудов.

Ни Болотову, ни Павлову, ни кому-либо другому из числа «одиноких пионеров» не удалось своими трудами и примером изменить существующую практику хозяйствования. В России вплоть до XX в. преобладало трехполье; даже удобрение паров для многих губерний было недоступным из-за малого количества скота; травосеяние хоть и развивалось, но крайне медленно; минеральные удобрения же оставались несбыточной мечтой. Тем не менее главная заслуга «первых агрономов» – пробуждение интереса к научному земледелию и сельскохозяйственному экспериментированию в среде российских помещиков, основание традиции частного вспомоществования агрономии.

(Окончание следует)

А.Б. КИЛАДЗЕ

НЕУДАЧНЫЙ ОПЫТ 30-х ГОДОВ, ИЛИ РЫБЬЯ КОЖА – МАТЕРИАЛ XXI века

(основные этапы освоения шкур рыб в качестве
кожевенного сырья)

Светлой памяти профессора
С.А. Каспарьянца (1930–2004 гг.)
посвящается...

Использование шкур рыб в качестве кожевенного сырья впервые было поставлено на научную основу еще в начале XX в. за границей. Вполне возможно, если бы над кожевенной индустрией СССР не довели контрольные цифры Госплана, отечественные специалисты так и не обратились бы к столь интересному сырью животного происхождения. Именно суровая историческая пора явилась, пожалуй, главной предпосылкой, инициировавшей интерес к переработке шкур рыб. Начавшаяся индустриализация расставила все по своим местам, и в 1929 г. начались полномасштабная заготовка и переработка экзотического ресурса. Полновесные же научные работы в этой области появились только два-три года спустя; возникла неблагоприятная ситуация, когда производство изначально не могло опереться на научно обоснованные рекомендации ученых. Таким образом, форсирование производства было налицо. Но такая тактика была в духе времени. Тем не менее к 1932 г. производство рыбьих кож достигло наивысшей точки. Однако многим замыслам так и не суждено было сбыться. Плохая организация заготовительной деятельности, недостаточная согласованность с рыбоперерабатывающей отраслью не позволили развить новое направление в кожевенной промышленности. Исследования были заморожены более чем на 60 лет.

Вторая волна исследований, обусловленная сменившейся экономической ситуацией, пришлась на 1990-е г. и явилась результатом социального запроса определенного контингента потребителей, для которых изделия из рыбьей кожи стали своего рода индикатором материального благополучия.

В процессе биологической эволюции человек адаптировался к условиям внешней среды, в связи с чем утратил густой волосной покров как не приносящий пользы в условиях теплого климата Южной и Восточной Африки. Но позднее, когда произошло расселение человека в другие части Земли с более суровым климатом, возникла острая необходимость в защите от холода. И для этого не нашлось ничего лучше шкур диких животных. Уже в эпоху палеолита люди, добывая пропитание, охотились на крупных животных. Сначала звериные шкуры просто снимали и выбрасывали. И только неандерталец, живший 200–35 тысяч лет назад, оценил «потребительную» стоимость шкуры, заметив, что во время ненастья она служит прекрасным материалом, защищающим от холода, и использовал ее в качестве грубой одежды. Практически ничего не изменилось и по сей день. Шкура животных на протяжении тысячелетий продолжает оставаться единственным в своем роде натуральным материалом для изготовления обуви и одежды. Правда, сегодня изделия из кожи переросли свое прямое функциональное назначение и стали удовлетво-